

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

НАДЕЖДА МАМАЕВА

МАГОМЕТРИЯ

Институт
благородных гародеек

Annotation

Питер обыденный и магический. Один мир живет, не зная о существовании другого. Обычная студентка Светлана отнюдь не желала быть посвященной в чародейские законы, но приговор коллегии волшебников обжалованию не подлежит. Ей приходится расстаться с мечтой и поступить в институт чародеек, где действуют совершенно неблагородные правила настоящего женского серпентария.

Сумеет ли в хитросплетении прошлого и будущего выжить юная чародейка?

Надежда Мамаева

Магометрия. Институт благородных чародеек

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Н. Мамаева, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Автор от всей души благодарит:

Светлану – за стойкость,

Наталью – за психологическую разгрузку,

Василия – за психологическую загрузку,

Максима – за терпение и присутствие,

Галину – за внимание к деталям

и дорогих читателей – за поддержку

Семья – это те, кто рядом, даже если весь мир против тебя.

Порою ради спокойной жизни в будущем нужно умереть в прошлом. К такому выводу я пришла ровно две минуты назад.

Набрав побольше воздуха в грудь, нырнула с палубы баркаса в мутную осеннюю воду Невы. Не успело мое тело погрузиться полностью, как над головой прогремел взрыв. Судно, еще минуту назад бодро бороздившее речную гладь, сейчас радовало ночь сполохами разных цветов – от нестерпимо-желтого до алого. Длинное пышное платье, типичное для барышень девятнадцатого века, не повышало моей плавучести. Юбки враз намокли и лучше любого якоря тянули на дно. Легкие горели, вода сковывала судорогой все тело. Тонуть оказалось на удивление больно.

Остатки воздуха стайей пузырьков уплыли вверх, мое же тело стремилось ко дну. Пять минут. Я должна вытерпеть эти чертовы пять минут. А ведь еще месяц назад жила обычной жизнью обычной питерской студентки, мечтавшей о красном дипломе и айфоне шестой модели.

Глава 1, с которой и начинается моя история

Август 2017, Санкт-Петербург

Августовский ветер флиртовал со шторой, как заправский повеса, заставляя ткань трепетать даже от его легчайших прикосновений. Вечерний Питер за распахнутым настежь окном жил своей обычной жизнью, не суетной, но ритмичной. Комната же представляла собой поле битвы: вот, качаясь на люстре, как полярник на льдине, сиротливо свесился пяткой вниз мужской носок; джинсы поверженным бойцом поникли в углу; скомканную рубашку, лежащую на комод, венчал лифчик – единственная вещь в женском гардеробе, которая приносит радость, когда становится мала.

Скрипучая кровать добавляла нам адреналину поболее иной инъекции. Было ощущение, что мое тело говорит на доселе незнакомом языке, опережая разум, отвечая даже на невесомые прикосновения. Мужские ласки становились все более продолжительными и настойчивыми, словно он задался целью довести меня до безумия. Я чувствовала, что он готов. Его очевидное желание ощутимо упиралось в мой живот, дразня предвкушением большего.

Страх и возбуждение – два чувства, бурливших в моей крови. Я слышала свой пульс, набатом отдающийся в барабанных перепонках. Тяжесть разгоряченного, молодого и сильного тела, близость, когда кожа целует кожу. Его губы, язык, запах.

– Андрей! – выдохнула я.

– Не бойся, я буду осторожным.

Ответ, затасканный, как дешевый бульварный роман до сальной обложки, почему-то вызвал у меня безотчетную панику. Страх вообще эмоция, трудно поддающаяся объяснению, но она – одна из основополагающих черт человеческой природы, не раз спасавшая жизни.

Я постаралась чуть отстраниться.

– Что-то не так? – заботливый голос Андрея, его внимание, успокаивающая, нежная ласка – все это позволило мне загнать свой страх подальше и улыбнуться.

– Нет, все хорошо. Правда. Я лишь волнуюсь...

Вместо слов он поцеловал. Настойчиво, словно пытаюсь утвердиться в моих мыслях, вытеснить из них любую тень сомнения. После он начал действовать решительно, без раздумий и оглядки. Словно перешел какую-то черту, как будто наглядно демонстрируя силу своего желания.

Его пальцы, до этого поглаживавшие щеку, начали спускаться вниз по сливочно-белой коже, проскользили по тонкой шее, задержались на впадинке меж ключиц и занялись исследованием той части тела, что притягивает любого мужчину с младенчества до самой старости.

Андрей ухаживал за мной красиво, вдохновенно, называя то зеленоглазой хозяйкой его сердца, то русоволосой шрапнелью, сразившей его наповал. Дарил цветы и прогулки на катере по Неве под луной.

Я хотя и отвечала ему взаимностью, но как-то отстраненно. Это было странно. С его-то внешностью возмужавшего херувима: светло-русые волосы, голубые глаза, сильное тело, слепленное тренировками в спортзале, – девушки обычно сдавались на втором, а иные и на

первом свидании.

Андрей продолжал мою осаду, не иначе как подбадривая себя мыслью, что порядочная барышня после долгих ухаживаний должна отдаться, если она порядочная. Я вела себя как жутко непорядочная, ибо не падала в его объятия. Но вот сегодня сама себя убедила, что современным девушкам не следует оглядываться на постулаты прошлого. Вот только покоя не давала одна мысль, старательно задвинутая на периферию сознания: «А что, если я для него – всего лишь очередная галочка в списке?»

Нагая близость, разгоряченные тела, невесомое прикосновение его пальцев к плечам, груди, животу – все это рождало предгрозовые восторги желаний. Я почувствовала, как Андрей провел рукой вдоль внутренней поверхности моего бедра, напряженного в бесплотной попытке расслабиться, и улыбнулся. Раздвинул коленом целомудренно сведенные ноги и чуть отстранился. Его пальцы начали свой собственный танец там, где рождается неутолимая страсть, извечный зов, сама жизнь. Музыкант, настраивающий свою гитару, не иначе. Я беззвучно застонала, когда его рука сжала мою грудь, и он, больше не мешкая, навалился сверху. Андрей вздрогнул, словно погружаясь в свое наслаждение, забывая о реальности.

Я закрыла глаза, а в следующую секунду резко их распахнула. Его крик, полный боли, напоминал агонию. Он резко оттолкнулся, скатываясь с меня, и, оказавшись на краю кровати, отключился.

* * *

Меня била крупная дрожь. Что произошло? Почему? Как? Еще пару мгновений назад это был Андрей, молодой, сильный, красивый, тот, кто должен был стать моим первым мужчиной. Родители уехали на выходные на дачу, все должно было произойти хотя и банально, но логично, реально.

– Помоги, – прошелестел старик, а я лишь схватилась руками за голову.

«Соберись, думай», – приказала сама себе. «Скорая»? Полиция? Первая скорее придет с плечистыми ребятами из желтого дома, вторая лишь посмеется. Умом понимала: такого просто не могло произойти по законам физиологии, анатомии и медицины. Однако неопровержимое доказательство, нарушавшее привычную картину мира любого здравомыслящего обывателя, было здесь, рядом. Всего в двух шагах.

На тумбочке завибрировал мобильный. Звонила мама. Я на автомате протянула руку к сенсору и привычным жестом провела пальцем по экрану.

– Зайка, все хорошо?

– Не знаю.

Голос меня не подвел, оставшись ровным, но краткость ответа заставила на том конце с ноткой паники спросить:

– Ты сейчас где? – и получив ответ: «Дома», мать твердо заявила: – Ничего не делай! Слышишь, ничего! Я скоро буду.

Спустя час я увидела в окно, как знакомый «матиз», лихо развернувшись на крохотном пятачке парковки, встал точно по разметке. Наверняка мама гнала с дачи, вжимая тапку в пол. «Сейчас она поднимется, и все будет хорошо», – мысленно уговаривала я сама себя.

Во дворе запищала сигналка, оповещающая о том, что она на боевом посту и бдит машину от

угона. Именно в этот момент в дверь квартиры постучали. Жестко, решительно, громко.

– Откройте, инквизиция!

Я не успела подойти. Защелка сама начала проворачиваться, и уже через мгновение дверь распахнулась. На пороге стояли трое мужчин в штатском. Они были чем-то неуловимо похожи: угрюмые, решительные, опасные, с одинаково цепкими взглядами. Такое выражение глаз я видела только у бывшего одноклассника, разом потерявшего в аварии всю семью, – выжженное потерями и пережитым.

– Это она. Остаточный след от нее все еще фонит, – было то единственное, что я успела услышать.

После прозвучавшей реплики один из незваных гостей без слов бросился на меня, заламывая руки, вминая грудью в паркетную твердь прихожей. Вмиг он затянул на запястьях петлю, содрал кожу, и начал монотонный монолог:

– Вас застали на месте преступления. Вы обвиняетесь в несанкционированном искривлении временно2го потока. Вы имеете право хранить молчание, защищать свои интересы в суде сами или с привлечением уравниателя.

Крик матери, поднявшейся на лестничную клетку, заставил оглянуться и мужчин и меня.

– Она ни в чем не виновата! Это все я, это моя вина, не забирайте ее! Дайте мне все объяснить!

Один из визитеров повернулся к ней с единственным вопросом:

– Ваша дочь из неучтенных? – его холодный голос напоминал скрип металла по стеклу.

– Да, – только и сумела выдохнуть мама, а потом добавила: – Она ничего не знает. Я думала, моя дочь обычная и дара у нее нет, как и у меня.

Спустя полчаса я сидела в кресле, в своей комнате со связанными руками и, давясь недавними воспоминаниями, рассказывала о случившемся. Один из инквизиторов внимательно слушал меня, второй бесцеремонно крутил за подбородок лежащего Андрея, напоминавшего сейчас больше всего сухофрукт, а третий ходил по комнате с какой-то странной пластиной.

По завершении короткого экскурса в новейшую историю питерской сталинки («родового гнезда рода Смирновых», как мать порой в шутку называла нашу квартиру) меня опять начало потряхивать.

Слушавший мой рассказ мужчина средних лет после того, как я замолчала, не то чтобы подобрел, скорее, из его взгляда ушло красноречивое желание сломать мне шею. Он засунул руки в карманы вылинявших джинсов и, выдохнув, произнес:

– Если все произошло, как утверждаете, то тюрьма вам не грозит.

После этих слов он обернулся к своему напарнику, изучавшему версию Тутанхамона двадцать первого века, и спросил:

– Жень, что у тебя?

– Да, похоже, все так и есть. Первый опыт, сильные эмоции и зашкаливающие гормоны. Вот она и инициировалась. Парню еще повезло, что у девчонки дар скользящей во временно2 м потоке, и она его всего лишь заставила за пару секунд прожить семьдесят лет. Попалась бы огненная дева или акцептор – сгорел бы дотла или из него бы всю жизненную силу выкачали... А так, заклинание регенерации, денек-другой в лазарете – и жить будет. Только память ему надо подчистить.

Из сказанного я не поняла ровным счетом ничего, кроме того, что Андрею не грозит в ближайшем будущем стать клиентом морга или свести свидание с костлявой.

– Ее до суда в участок тогда? – уточнил у этого Жени тот, что допрашивал меня.

– Давай пусть лучше у нас переночует, а то она нестабильная, мало ли чего.

Инквизитор в ответ лишь согласно кивнул и, схватив меня за руку, рывком поднял.

Мама, до этого поникшая, встрепенулась.

– Простите, можно мне с дочерью переговорить перед тем, как вы ее заберете, объяснить хотя бы, кто она и кто вы?..

Инквизитор, до того молчаливо работавший с пластиной, зло бросил:

– А о чем вы думали эти двадцать лет, мамаша? Если бы ваша дочь с самого начала знала, что за гены ей достались, сегодня бы нас здесь не было, – он стукнул по столешнице. – А то мы по всему Питеру гоняемся за чертовым скользким, у нас уже несколько трупов... Подорвались на временной всплеск, думали, это наш маньяк, а тут инициация!

– Остынь, Серега! – осадил его тот, что допрашивал меня. – Пусть на кухне поговорят.

Когда мы остались с мамой одни, она начала торопливо объяснять.

В такой рассказ при любых других обстоятельствах я бы не поверила. Из ее слов выходило, что наш мир населяет гораздо больше разумных существ, чем привык считать человек, мнящий себя венцом природы. Ведьмы, драконы, русалки, ночницы, упыри, демоны – все они рядом, здесь. Есть институты чародеев, династические браки среди наделенных даром. Существует и отдел магического правопорядка, иначе именуемый инквизицией.

– Прости меня за мою самонадеянность. – Глаза мамы были сухие, но голос – словно она давилась слезами. – Я-то была уверена, что если твой дар не пробудился к десяти – двенадцати годам, когда бушуют гормоны и эмоции бьют через край, то все, можно успокоиться. Ведь магия взаимосвязана именно с ними. Я надеялась, ты будешь жить обычной жизнью, сможешь, как и я, выйти замуж по любви, за обычного человека, а не за того, на кого укажет Распределитель. Просчиталась. У тебя, как и у твоей бабки, дар пробудился в самый неподходящий момент. Она тоже умела управлять временем.

Мама невесело усмехнулась, а потом, не иначе чтобы разрядить обстановку, произнесла:

– Хорошо хоть, не на родовом столе, как у покойницы Аделаиды.

Резкий стук в дверь заставил нас обеих вздрогнуть.

– Время вышло!

Скомканное прощание, заверения мамы, что все будет хорошо, а потом – узик и изолятор.

* * *

Я сидела на нарах в одиночке, прислонившись спиной к шершавой стене. Пространство два на два метра с лампочкой, которая, судя по ощущениям, доживала последние минуты. Перед тем, как запихнуть меня сюда, в руку что-то вкололи, как объяснил один из инквизиторов: «Чтобы себя же не выжгла». Что это значит, я так и не поняла.

В голове был туман, на душе – апатия. Мир, до этого привычный, сейчас вызывал лишь отчуждение. Назавтра был назначен суд, но сил переживать еще и по этому поводу уже не было. Не думая ни о чем, я повалилась на жесткие нары. Лопатки сразу же ощутили все прелести матраса, чья толщина могла гордо носить приставку «нано». Запястья саднило, хотя руки мне и развязали. Глаза немилосердно слипались, и в итоге я буквально провалилась в сон.

Я никогда не была на обычном-то суде, не говоря уже о магическом. Впрочем, вряд ли он сильно отличался от правосудия обычной, не чародейской Фемиды. Типовое здание, серые стены которого навевали лишь скуку. Монотонный голос в практически пустом зале был противный, как наждак, а прозвучавший приговор, как ни странно, показался мне весьма мягким. Неделя исправительных работ в качестве наказания и обязательное обучение в институте магичек, где я и должна буду освоить управление своим даром. Если откажусь от последнего – тюремный срок, и весьма солидный. Вот такая вот альтернатива. Либо учишься быть социально не опасной, либо тебя изолируют. Отчего же мама, как услышала приговор, побледнела?

Когда удар судейского молотка возвестил об окончании процесса, мама с шумом втянула воздух, подошла ко мне и, внимательно глядя в глаза, произнесла:

– Этого-то я и опасалась больше всего. Институт магичек, по рассказам твоей бабки, – это виварий, где выращивают невест либо из благородных домов, либо с большим потенциалом, что зачастую одно и то же. У тебя же, как оказалось, дар не самый сильный, но весьма редкий, а главное – стабильный, не пульсирующий.

Родительница оборвала сама себя, а потом обняла мою голову ладонями и, внимательно глядя в глаза, произнесла:

– Света, запомни: чем сильнее дар у женщины, тем зачастую меньше ее вольный выбор. На ценность всегда находится много желающих стать ее хозяином. Остаться независимой, имея сильный дар, – прерогатива единиц. Мне в свое время повезло – у меня оказался практически нулевой потенциал. Тебе же помимо твоей воли придется участвовать в играх крови. Забудь о морали двадцать первого века. Теперь, когда у тебя пробудилась эта чертова кровь предков, ты живешь в совершенно другом мире. И хотя здесь остались ноутбуки и «мерседесы», но законы бытия – совершенно иные...

Договорить ей не дали, перебив:

– Светлана Смирнова, на выход!

Хотя рук мне больше не заламывали, но ощущение беспомощности было таким же, как с веревкой на запястьях.

Я и два мои конвоира вышли из зала и, минуя череду серых коридоров, оказались в небольшом кабинете.

За столом сидел маленький плюгавый мужичонка в кургузом пиджачке с непомерно густой бородой, заплетенной в две косицы, и сметливым взглядом.

– Светлана Смирнова?

Я лишь успела утвердительно кивнуть, а бородатик уже проворно выскочил из-за стола и защелкнул на моем запястье какой-то браслет.

– Пока будешь отбывать наказание, тебе придется его носить. Это ограничитель. А вы можете быть свободны, – это хозяин кабинета бросил уже моим провожатым.

Сам же меж тем вновь занял свое место за столом и произнес:

– Да ты садись, не стой. Щас еще одного нарушителя должны привести, и отправим вас с ним вместе вычищать гнездо риштий. Тварюк-то инквизиторы давно всех повыловили, но грязи после них осталось...

На этих словах в дверь вежливо постучали, и, дождавшись разрешения хозяина кабинета,

вошли трое: конвоир, юноша и кот. Последний вольготно раскинулся на плече парня.

– А-а-а-а, Николай Валь и Статис Кобатько! Давненько вас не было!

Бородатик обрадовался вошедшим, словно те были его племянниками. Кот на это заявление презрительно дернул усами, юноша же остался невозмутим, лишь расстегнул манжету рубашки и подставил запястье для браслета.

– Приятно иметь дело с теми, кто уже сам все знает, – прокомментировал мужичонка. – Николай, раз уж вы у нас завсегда, будьте любезны, объясните вашей сегодняшней напарнице, Светлане, суть исправительных работ. А пока будете расчищать гнездо риштий, расскажете ей и о мире нашем, магическом, а то она из спонтанно инициированных и никакого понятия ни о даре, ни о законах чародейского мироустройства не имеет.

– Убираться-то где? – обреченно выдал кот.

– Арсенальный, двадцать пять. Там, в углу дома, здоровенная куча мусора. Оперативный отдел инквизиции зачистил лежку риштий сегодня утром, и трупы этих милых зверьков сейчас разбросаны вокруг дома. А поскольку эта чешуйчатая пакость щупом заклинания не собирается – даже посмертная магическая защита у них отменная и держится до суток, то вам, ребята, придется вручную собрать всех дохляков. А то еще обычные горожане наткнутся случайно на эту пакость... В общем, мусорные мешки возьмете у капитана Речкина, и вперед. Как закончите – вернетесь ко мне. Со всем собранным. Теперь свободны.

Мы покинули кабинет бородатика и остались в коридоре. Я все еще не могла адекватно оценить происходящее.

– Значит, Светлана, – приятный баритон с полувопросительной интонацией принадлежал моему сегодняшнему напарнику.

Я внимательно посмотрела на того, с кем мне суждено провести загадочное и (как я искренне надеялась) невспоминаемое randevу среди трупов загадочных риштий.

Светло-русые волосы, явно пропустившие несколько визитов к парикмахеру, выдавшая виды футболка и поношенные джинсы – типичный студентус вульгарис, если бы не острые уши, кожа, мраморно-белая, словно светящаяся изнутри, и глаза. Было что-то в его взгляде... Видишь такой и понимаешь – перед тобой хитрый пройдоха, умеющий добиваться своего.

Спутник говорившего был еще более колоритным: здоровенный дымчатый котяра с наглой мордой и по-гусарски лихо подкрученными усами.

– Да, – озадаченно ответила я, взирая на эту странную парочку. – А я так понимаю, вы – Николай Валь и Статис Кобатько?

– Попрошу обращаться ко мне просто Йож, – церемонно промурлыкал кот.

Я непроизвольно улыбнулась. Причуды есть не только у людей.

– А ко мне просто Ник, – не остался в долгу «студентик».

Его облик навевал на мысль: он определенно не человек. Видя мое озадаченное лицо, юноша понимающе усмехнулся:

– Я так понимаю, земное расоведение – дисциплина вам, юная леди, незнакомая?

Мне оставалось лишь помотать головой.

– Я – дракон, – пояснил мой сотрупник. – И то, что судья назвал «наказанием»... Скажем так – это роль разнорабочих от магии. Уборка мусора, в том числе и такого вот, трупного, уход за тварями типа зверожаба, чистка стен от заклинаний, оставленных волшебными маркерами, – в общем, самая грязная работа.

– А ты, значит, спонтанно инициировалась? – промурлыкал кот и, не дожидаясь моего ответа, продолжил: – Наверняка зацепила при этом кого-нибудь из людей, иначе сюда бы не

отправили.

– Да, – невесело призналась я. Перед глазами всплыло сморщенное лицо Андрея. – Состарила.

Дракон и кот резко отстранились от меня, а потом парень уточнил:

– Знаешь, без обид, но я тебя за руку пока брать поостерегусь. Браслет браслетом, но все же подстраховаться будет лучше.

Кот на его плече согласно кивнул.

Я их прекрасно понимала: мне и самой после произошедшего было страшно прикасаться к другим. Ник решил разрядить обстановку и нарочито беспечно добавил:

– Да ладно, брось. Научишься контролировать себя со временем. А я вот тоже проштрафился, уже в который раз... – при этих словах кончики ушей дракона как-то поразительно порозовели.

– Как? – решила я полюбопытствовать.

– Он в казарме умудрился спереть латунные кольца, которыми шторы к гардине крепились, – сдал кот дракона. – И все бы ничего, но Ник сделал это во время торжественной речи, когда капитан награждал кадетов. В результате четыре метра ткани десантировались на голову трехсотлетнего эльфа.

* * *

Был уже вечер, когда мы с двумя мешками выбирались из переулка. Йож, весь измазанный в грязи, ковылял, хромя на все четыре лапы. Начинал накрапывать дождь, и проходжих практически не было.

Ник предложил остановиться и передохнуть недалеко от мусорного контейнера. Я пыталась осмыслить прорву полученной за сегодня от дракона информации.

Вдруг по булыжной мостовой пробежала крыса. Уроженка трущоб – обычная серая, с голым хвостом, она вылетела, как шрапнель, из-за угла мусорного бака. О чем уж думала эта крысявка – осталось для меня загадкой, но двигалась она по дуге, напоминая траекторию ракеты «Тополь-М» и с той же целеустремленностью. Судя по всему, грызун посчитал нас мелкой помехой на своем жизненном пути, ибо огибать двуногие препятствия не собирался, а шел на таран. Не знаю, что было в голове этой мелкой твари: может быть, ее жизненный опыт говорил о том, что людишки – существа боязливые и при виде грозной обитательницы помоек с криками и воплями сигают в разные стороны...

В принципе, я так и поступила: ойкнула и, отпрыгнув, впечаталась спиной в грудь идущего позади дракона. Тот сдавленно охнул, а меня на секунду накрыло странное ощущение: как будто окунулась на миг в ледяную прорубь.

Судя по последовавшему заявлению, Ник испытал такую же гамму чувств. Он невежливо оттолкнул меня со словами:

– Контролируй дар!

На этом бы встреча с голохвостой и завершилась, но, к сожалению для нас, крысы и, как впоследствии оказалось, еще и нескольких гражданок, в компании презренных людишек обитал кот.

Йож, до этого изображавший умиравшего лебедя, при виде потенциальной добычи весь собрался, издал грозное «мяу», напрочь игнорируя доселе активно используемую

человеческую речь, и бросился на крысявку. Та, видя, что коты, в отличие от людишек, расступаться не желают, с разбега прыгнула в сторону. Для грызуна началось освоение доселе новой, воздушной, стихии.

Крыса летела по баллистической дуге красиво и вдохновенно, но я мысленно продолжила ее путь и с опозданием поняла: ей не миновать двух откутюренных красоток, чьи фигуры явно свидетельствовали – их хозяйкам из еды знакома разве что спаржа и минералка. Типичные гламурки, у которых самые выступающие части тела – силиконового происхождения, весело щебетали о ерунде. Крыса не слышала, о чем был разговор этих двух барышень, поскольку ее полет закончился аккурат на ремешке сумочки одной из девиц.

На этом могло бы все и закончиться: крыса бы упала с временного аэродрома, десантировалась на асфальт и побежала дальше по своим делам. Но наша грызунья была не из таких. Она, как легендарный покоритель Эвереста, обхватила лапками ремешок и начала свое восхождение.

Когда девица, до этого момента не подозревавшая о произошедшем, повернула голову, то в сантиметре от своего лица увидела встопорщенные крысиные усы и два желтых верхних резца. Голохвостая же, судя по ее довольной морде, была горда собой: бегство от здорового кота увенчалось относительным успехом и сейчас она в относительной безопасности. Однако опора повела себя подло, покачнулась и упала в обморок. Голосовое сопровождение при этом обеспечила вторая гламурка, истошно завыв не хуже сигнализации вскрытой машины.

Вечер в Арсенальном переулке становился все интереснее. Девица верещала уже несколько минут, не меняя тональности и радиуса поражения звуковой волны, что вызывало одновременно и уважение (вот это глотка и легкие), и недостойное желание заткнуть кляпом крикунью (ради сбережения нервов и барабанных перепонок). Переполошились все прохожие и жители близлежащих домов. Последние с бдительным интересом выглядывали из окон, некоторые даже наизготовку с телефонами. Не иначе как надеялись заснять что-то ютьюбно-рейтинговое.

Лишь крысявка сидела с невозмутимым видом на груди поверженной каблукастой Эйфелевой башни с видом Наполеона, победившего под Аустерлицем.

Подруга поверженной, узрев эту идиллическую картину, сменила репертуар и теперь, уже тыча пальцем в грудь обморочной, с заиканием выдала:

– Ккк-рррыыысса!

Йож, видя, что добыча вновь в пределах горизонтальной досягаемости, хотел было продолжить охоту, но Ник бесцеремонно сцапал его под пузо и тихонько прошептал:

– Отходим, тихо и незаметно.

Я, в принципе, была не против этой тактики, и мы, вжав голову в плечи и сгорбившись, тихонько прихватили мешки и брыкающегося Йожа и поспешили удалиться.

Краем глаза я заметила, как крыса еще пару секунд посидела на силиконовых холмах и величественно удалилась со сцены, лениво волоча лысый хвост по мостовой. Вокруг пострадавшей начал собираться кружок заботливых прохожих, и до слуха донеслись истеричные всхлипы:

– Ввы ввидели? Ввы ввидели?

Когда мы скрылись за углом ближайшего дома, Ник опустил кота на асфальт и недовольно спросил:

– Скажи, Йож, что это было?

Кот ничтоже сумняшеся выдал:

– Это был охотничий инстинкт. Когда метаморф в животной ипостаси, такое поведение вполне обычно.

Ник хотел что-то возразить, но не успел и рта открыть, как хвостато-усатый спутник выдал:

– И кто бы говорил, сам-то клептоман.

Этого дракон уже не стерпел:

– Это у меня, между прочим, болезнь, наследственная и неконтролируемая. К тому же к семидесяти годам у представителей нашей расы это проходит.

Мыслей у меня было много, но ляпнула совсем не то, о чем думала:

– Так вот почему драконы собирают сокровища в пещеру – это у них болезнь?

– Я ничего в пещеру не таскаю! – теперь уже драконий гнев был направлен на меня.

Йож, которого ситуация, судя по всему, забавляла, лишь подлил масла в огонь:

– Потому как у тебя ее попросту нет. Зато есть кровать в казарме. С подушкой. Кстати, латунные кольца оттуда все же вынь, спать ведь, наверное, жестко.

Ник махнул рукой в жесте «да что вы понимаете!» и, закинув мешок на плечо, пошел прочь. Ничего не оставалось, как повторить его маневр и, подобно ночному татю с награбленным добром, двинуться к ближайшей станции метро. Кот плелся следом за мной, недовольно пофыркивая в усы.

В молчании прошло около пяти минут. Запястье под браслетом начало неприятно зудеть, а потом и вовсе жечь. Когда боль стало трудно терпеть, все же решилась спросить:

– А так и должно быть, с этим наручником?

Парень обернулся и, скривив губы, нехотя бросил:

– Да. Мы опаздываем, поэтому поводок и начал натягиваться. Нам стоит поторопиться в отделение инквизиции, если не хотим превратиться в прожаренные стейки.

– Я пас! – нагло заявил Йож и плюхнулся брюхом на асфальт.

– Это в последний раз, – Ник мученически вздохнул и закинул полудохлого кота на манер воротника на шею, нимало не заботясь об удобстве последнего.

– Но у него же нет браслета, пусть бы и лежал тут, – мое сострадание проплыло по Стиксу с монетками на глазах около часа назад, закрылось надгробием и попросило его не беспокоить.

– Нет, браслета-то нет, но зато есть болтливый язык, который, как помело, разнесет весть о том, что я бросаю товарищей, – обреченно выдал дракон. – А в беде или лени – не суть важно.

Толчея питерского метро в час пик прошла для нас не то чтобы незаметно, скорее с максимальным в этой ситуации комфортом. Меня с Ником не вминали в стекло и не пытались сдавить со всех сторон лишь по одной причине: действие специфического амбре черных полиэтиленовых мешков было сравнимо с эффектом хлора времен Первой мировой. Пассажиры предпочитали потеснить соседа, нежели свести тесное знакомство с подозрительной поклажей, а тем паче с изгваздавшейся (не иначе на помойке) троицей.

На улице моросило. Успели мы вовремя, хотя запястье уже пылало, но, как заверил Ник, «это ерунда». Сдав «добычу» капитану Речкину, направились в кабинет того, кто утром нам так щедро выдал браслеты.

Бородатик все так же сидел у себя за столом и строчил, не отрываясь, что-то на бумаге.

– Сейчас-сейчас! – выдал он, даже не глядя на нас.

Спустя минуту мужичонка оторвался от своего, надо полагать, весьма увлекательного занятия и поднял взгляд.

– А-а-а-а, наказанные. Рад, весьма рад. Валь, прошу, подойдите ко мне. Сниму браслет. Ваши исправительные работы были ограничены всего одним днем, и он прошел. Вы свободны.

Дракон лишь фыркнул. Йож же, не иначе, посчитал ниже своего достоинства отвечать и изображал побитую жизнью и молью горжетку на шее Ника.

После того, как парень с наслаждением потер освобожденное запястье, очередь дошла и до меня.

– А вас, Светлана, ждут еще четыре дня исправительных работ. Так что жду завтра у себя в кабинете к восьми утра. Просьба не опаздывать. Браслет об этом позаботится. А пока, чтобы он не жег, подойдите сюда, я его перенастрою, чтобы до часа нашего с вами рандеву он вас не беспокоил.

Делать нечего. Я протянула руку, и гном (Ник меня просветил, что данный субъект – представитель именно этой шустрой расы) сделал несколько пассов над арестантским украшением.

После того, как мы покинули кабинет бородатика, Ник, улыбнувшись, произнес:

– Несмотря ни на что, рад был познакомиться. Извини, руку не подам, сама понимаешь. – Тут он на мгновение замялся, но все же решил пояснить очевидное: – Мне хочется побыть молодым и красивым положенное время.

Повисла неловкая пауза. Я не знала, что лучше ответить. Вежливо-безликое «мне тоже приятно познакомиться» не вязалось ни с нашим внешним видом, ни с занятием, за которым мы провели весь день. Первая (пусть и не свидание, но все же) встреча почти на помойке, за сбором трупов... А вот озвучивать мое заветное желание: «Лучше бы последних двух суток вообще не было, а вместе с ними и нашего знакомства», – было бы откровенной грубостью, которой ни Ник, ни Йож не заслуживали, поэтому решила отшутиться:

– Вы мне тоже оба молодыми больше нравитесь, – и в нарочитом жесте убрала обе руки за спину.

Кот на это мое заявление с самоуверенностью катка, которому все нипочем, заявил:

– Я-то знаю, что девушки от меня без ума, а вот этому ущербному недоворишке редко такие комплименты делают.

Ник решил поддеть наглого пассажира:

– Уточни, в какой ипостаси девицы пишат при виде тебя.

Кот смутился. Видимо, фенотип, приводящий дам в восхищение, имел отнюдь не фигуру атлета, а усы и хвост.

– Ладно, давай тебе хоть бомбилу стопану, – решил сменить тему и проявить рыцарство Ник. – Ты где живешь?

– Малая Московская.

– А, офицерщина... щас поймаю машину.

Когда мы вышли из отделения, на улице уже не моросило, а поливало, и я была согласна не только на машину – на трамвай сорокалетней выдержки, лишь бы не стоять под холодным небесным душем.

Машину поймать удалось на удивление быстро. Шустрая семерка лихо притормозила. Я начала садиться, в то время как Ник, ни слова не говоря, открыл переднюю пассажирскую дверь и протянул водителю купюру с синеньким Ярославом и прокомментировал:

– Этого с лихвой хватит, сдачу оставь себе, – и захлопнул дверь.

Такого поступка от парня, с которым едва знакома, признаться, я не ожидала. Рефлексируя над произошедшим не позволил голос водителя:

– Куда едем, крэсэвица? – повернувшись, с акцентом осведомился повелитель драндулета и вазохист в одном лице.

– Малая Московская, тридцать семь. Второй подъезд.

Сын Кавказа, чье происхождение выдавали длинный нос, специфический говор и кепка-аэродром, радостно оскалился.

– Вмыг домчу, крэсэвица! – протянул он, переключая передачи и ловко встраиваясь в поток.

А потом начал расхваливать свою «ласточку». Делал он это то ли по привычке, то ли от скуки, но почему-то к каждой его реплике мне хотелось добавить пару слов. На его «машина-огонь» – я мысленно продолжила: «И очень сильный, судя по дыму из выхлопной трубы». Последний, кстати, был виден через заднее стекло весьма явственно. На заявление джигита: «Она ни разу не бывала вверх колесами» – хмыкнула (ну да, «ласточке» всего лишь въезжали и в зад, и в перед, судя по вмятинам на обоих правых крыльях). А сравнение творения АвтоВАЗа с ланью вызвало стойкое убеждение, что парнокопытную перед этим полосовали автоматной очередью, ибо ползли мы по Невскому, как беременная черепаха перед кладкой.

В отличных ходовых характеристиках машины (в смысле стимулирующих ходить пешком, а не ездить на этой колымаге) я убедилась, когда семерка, в последний раз чихнув мотором, не доехала до моего дома квартал. К счастью, ливень прекратился, и я, покинув салон, припустила к дому.

Чего я ожидала, поднимаясь по лестнице? Расспросов? Отчуждения? Ответов?

Увы, реальность оказалась прямо противоположной всем моим предположениям.

Когда ключ в замке провернулся с противным металлическим скрежетом и дверь распахнулась, в нос сразу проник аромат сдобы. Такой домашний, он словно был воплощением уюта, привычного мира, всего того, что казалось незыблемым еще позавчера.

– А, дочка, вернулась? Как Казань? Бусурманский Кул-Шариф все такой же иссиня-белый? – вопросы, которыми папа меня засыпал на пороге, сбили с толку.

– Ну что ты пристал к ней, дай хотя бы раздеться, иди лучше вынь шарлотку из духовки, – это уже мама, появившаяся следом. Вроде бы обычная, приветливая. Ее выдал лишь на долю секунды нервно дернувшийся уголок губ.

Отец, в шутку фырча под нос о матриархате в клане Смирновых, ретировался на кухню – выполнять поручение дражайшей супруги. Едва за ним закрылась дверь, мама тотчас же зашептала:

– Папа ничего не знает. Я сказала, что ты на пару дней уехала к двоюродной сестре в Казань, поэтому подыграй. Скажи, как там все замечательно.

– Но почему...

Я не успела договорить, как меня перебили:

– Потому что людям не стоит знать о нелюдях. Это один из законов магического бытия. Я столько лет хранила эту тайну и надеялась, что ты никогда не узнаешь о другой, теневой стороне этого мира, – голос сухой, надтреснутый, предгрозовой. Еще немного, и начнется либо шторм-истерика, либо дождь-слезы.

Сделала шаг навстречу и хотела было ее обнять, но в последний момент остановилась. Сковала мысль: «А вдруг я нечаянным прикосновением ей наврежу, или того хуже?» Но

мама, казалось, этого не заметила: сама обняла меня и, уткнувшись в плечо, заплакала. Я лишь старалась не коснуться кожей кожи, чувствуя, как браслет на руке вибрирует.

– Не плачь, – я похлопала ее по спине. – Мы прорвемся, если будем семьей, если будем все вместе. Давай расскажем отцу. Он не заслужил обмана.

Папа, едва мы вошли, осекся на очередной шутке на тему белогокаменного кремля, пережившего не одно нашествие. Он всегда так шутил, когда кто-то из родственников приезжал из города, где мечеть и христианская церковь на протяжении сотен лет стояли бок о бок. Такая уж у него была привычка.

– Сергей, тебе стоит кое о чем знать... – начала мама упавшим, безжизненным голосом.

Она рассказывала, а я не перебивала. Папа лишь хмурил брови, а шарлотка – подгорала. Но нам троим было не до нее. По завершении маминой исповеди отец долго молчал, а потом все же произнес:

– Знаешь, я давно подозревал, что моя теща – ведьма. Теперь хотя бы буду это точно знать. А что до вас, мои девочки, то живу же я с вами уже третий десяток лет вместе... Один вечер не изменит ничего.

Он еще что-то говорил, но я поняла – гроза миновала, и мой рассеянный взгляд начал блуждать по кухне. Внимание привлек будильник. Как это я раньше не обращала на него внимания? Большой, еще советского производства, механический, с хромированным корпусом и двумя звонками, соединенными дугой наверху и маленьким молоточком между ними. Он тянул меня с непреодолимой силой. Хотелось взять его, обладать им и ни с кем не делиться этим сокровищем, доставшимся в дар еще моим родителям от кого-то из родственников.

Хотела уже сделать шаг, чтобы протянуть руку и взять вожаделенную вещицу, но вовремя себя одернула: что за ерунда?

Родители и вовсе не заметили моей метаморфозы. Мама начала накрывать ужин, отец задумчиво барабанил пальцем по столешнице.

– Значит, через неделю ты должна будешь отправиться на обучение в институт этих, высокоблагородных? – подытожил папа, когда чай был допит, а шарлотка разгрызена (знатный получился сухарик, ни один нож его не взял, пришлось ломать и размачивать, но все равно – вкусно).

– Просто благородных, – поправила мама, – чтобы научиться контролировать дар. – Но есть одна немаловажная проблема: практически все выпускницы этого заведения попадают под распределение. Они не вольны в выборе мужа.

Я нахмурилась, а мама решила пояснить:

– Традиционно, до двадцати пяти лет девушка с магическим даром может сама выбирать того, кто ей по душе. До этого возраста – ищи свою истинную пару, просто влюбляйся, выходи замуж, но если не успела – тогда твою судьбу решает Распределитель. Этот чертов тысячелетний нефилим, видите ли, лучше других знает, какой союз будет наилучшим. Наилучшим для него. – Мама вздохнула и под наше молчаливое одобрение продолжила: – Если бы ты обучалась в магическом университете, то шансы выйти за понравившегося тебе нелюдя были бы. Заметь, о людях я даже и не говорю.

Она виновато посмотрела на папу, но отец лишь досадливо махнул рукой в жесте «да уж понял я, что не котируюсь в вашем магическом мире».

– Так вот, институт благородных чародеек – исключительно женское заведение. И обучение там заканчивается к двадцати шести годам. Так что шансов найти себе мужа,

который бы устраивал в первую очередь тебя, а не пернатого замшелого хрыча, – практически нет.

– Дорогая, а не больно-то ты высокого мнения об этом Распределителе... – хмыкнул папа.

– Потому что моя мать на себе испытала все прелести этого распределения. Она и отец ненавидели друг друга. Даже удивляюсь, как они меня-то зачать сумели. А как я родилась – оба выдохнули спокойно и разбежались по своим любовникам.

Я поперхнулась и решила, что мама оговорилась.

– Не смотри на меня так, солнышко. Да, у твоего дедушки тоже был любовник, как и у бабушки! – в сердцах бросила мать.

Папа на эту новость выразительно присвистнул и почесал в затылке, после чего молча потянулся, достал бутылку коньяка, припрятанную в шкафу, и налил полчашки янтарной жидкости, а потом залпом выпил. После этого действия, за которым наша женская часть семьи наблюдала в абсолютной тишине, он произнес:

– Дорогая, давай посвящать меня и дочку в тайны твоих предков постепенно. Иначе, боюсь, народными средствами не обойдемся. – А потом тихо-тихо, для себя, так, чтобы мы не услышали, добавил: – А я с ним еще в одну баню ходил...

Увы, слух у меня оказался отменный.

Когда кухонные посиделки закончились, я оказалась наконец-то в своей комнате. Аккуратно застеленная постель без всяких мумий. Идеальный порядок на комод. Вот только лечь почему-то не хотелось. Сняла водолазку и расстегнула молнию на джинсах, и тут на пол с громким «дзинь» свалился он. Будильник. Подняла его и недоуменно повертела в руках. Как он мог тут оказаться? Я даже не помню, чтобы держала его в руках. Сняв джинсы, быстро накинула халат и, решительно схватив будильник, пошла на кухню. Поставила его на подоконник, про себя матеря одного клептомана. Это что же получается? Болезнь заразная?

Утро началось с противного звона над ухом. Малодушно попыталась заткнуть уши подушкой – не помогло. Встала сонная, злая, твердо уверенная: сработай трындозвон на пять минут попозже, я бы обязательно выспалась. Надавила рукой на звонок будильника и только тут осознала: этот хромированный гаденьш опять был у меня в спальне. Помотала головой, прогоняя остатки дремы. Точно помню, как вчера оставляла его на кухне.

Стрелки показывали пять минут восьмого, поэтому задумываться о случившемся не было времени: умыться, выпить кофе, одеться – и пулей к метро. Лишиться руки из-за опоздания не хотелось. Браслет же уже начал напоминать о встрече с гномом-инквизитором ощутимым теплом.

На этот раз отбывала повинность я одна, ухаживая за дряхлой драконицей жутко склочного нрава. Меня отрядили к ней в сиделки на все оставшиеся четыре дня, и в частной клинике я мысленно отсчитывала секунды до окончания наказания. Уж лучше ришгий собирать или осваивать профессию ассенизатора, чем постоянно слышать визгливый тон старой перечницы, сумевшей довести до нервного припадка уже двух докторов и прорву санитарок. Но на протяжении всех этих дней одна мысль не давала мне покоя: этот чертов будильник! Я находила это хромированное чудо каждое утро в своей комнате, хотя каждый раз накануне вечером оставляла его на подоконнике кухни. Он будил меня, трезвоня из-под кровати, примостившись на шкафу, в ящике комода, и даже под периной, на которой я спала.

Закралась крамольная мысль, что кто-то из родителей таким оригинальным образом заботится о том, чтобы я не опаздывала, но когда обнаружила трындозвон оглушительно

звонящим в тапке наутро выходного (исправительные работы уже закончились), я не выдержала.

Уже хотела было пойти к родителям, чтобы выяснить: то ли я страдаю лунатизмом, то ли они столь оригинально заботятся о том, чтобы утро у меня началось вовремя, как услышала ехидное:

– Да я это, я!

Насмешливый голос в комнате, в которой была лишь я, заставил нервно заозираться.

Никого. Даже паука, даже наглой моли, раскормленной на норковых харчах. А потом я увидела, как тень, до этого вполне обычная, согласно законам физики представляющая собой условную проекцию моего тела, повела себя наглейшим образом: вытянулась, скользнула на потолок и глумливо распласталась на нем, напрочь оторвавшись от хозяйки.

– Что так смотришь? – издевательски протянула она, образовав на том месте, где должно быть лицо, светлую прорезь чеширской улыбки. – Незачем было прикасаться к дракону. Мальчик еще юный, свою тень не всегда может удержать, вот мы и поменялись с твоей тенькой.

Мне сразу же вспомнился переулочек и злополучная крыса, а еще мимоходом брошенное Ником: «Контролируй дар!» Тень, опережая мои мысли, ехидно протянула:

– И даже не надейся от меня так просто избавиться... мне тут очень интересно, а с учетом того, что скоро тебя отправят в институт, где обитают исключительно особы женского пола... мм...

– Ах ты! – у меня даже слов не нашлось для этой аномалии, имеющей явно извращенческие наклонности.

– Я, – самодовольно заявила тень. – Прошу любить и жаловать.

– А будильник зачем таскала? – внутри все начало закипать от возмущения, но старалась держать себя в руках. Мало мне всего, еще и эта наглая световая клякса в придачу.

– Таскал. – Поправил... он. – Так интересно же. Зато теперь дракона не будут называть клептоманом. Это почетное звание отныне присвоено тебе, – торжественно заключил тень.

В бессильной злобе все же подняла с пола тапку и запустила ею в потолок. Тень легко уклонился и, сменив форму, стал напоминать очертания змеи с длинным языком, который трепетал, дразня и насмехаясь.

Не знаю, к чему бы привел наш дальнейший диалог с этой нематериальной, но, как оказалось, способной доставить кучу неприятностей сущностью, если бы не прозвенел звонок. Хотела пойти открыть, но мама меня опередила. Из прихожей донесся ее голос:

– Что вам еще нужно? Она и так завтра должна отправиться в этот ваш институт!

Ей кто-то ответил. Негромко, так, что я не разобрала слов, лишь было понятно, что голос принадлежит мужчине.

Торопливые шаги по коридору, и мама, приоткрыв дверь моей комнаты, произнесла:

– Дочка, это к тебе. Инквизитор. По поводу какого-то Николая Валя.

– Сейчас выйду, – ответила я ей, торопливо накидывая халат.

Разговор с инквизитором, спокойным и рассудительным мужчиной, разительно отличался от моего первого опыта знакомства с магическими законниками. Как только мы сели за обеденный стол, визитер не стал маскироваться и небрежным движением руки скинул морок. Оказалось, что служитель Фемиды от магии – эльф, причем весьма солидный и упитанный. Его острые длинные уши торчали, как ручки кастрюльки, навевая гастрономические мысли.

– Николай Валь и Статис Кобатько пропали вчера вечером. Причем пропали на территории кадетского корпуса. Сейчас мы опрашиваем всех, кто контактировал с этой неунывающей парочкой за последнюю неделю.

Визитер расспрашивал меня о том, как прошел мой первый день в компании дракона, не говорил ли Ник о своих ближайших планах и все в том же духе. На мой встречный вопрос: «Что могло случиться с моими недавними знакомыми?» – эльф многозначительно помолчал и забарабанил пальцами по столешнице, а потом резко сменил тему разговора:

– А вам ограничивающий браслет сняли?

– Да, вчера вечером, – от неожиданности я ответила на автомате, хотя еще секунду назад готовилась сказать законнику о том, что мы с драконом нечаянно поменялись тенями.

– Тогда мой вам совет: постарайтесь одеваться максимально закрыто, чтобы, нечаянно коснувшись кого-нибудь, не состарить. – А потом, после секундного молчания, решил пояснить свою заботу: – Мне искренне вас жаль и не хотелось бы, чтобы мои коллеги еще раз протащили вас через всю нашу судебную систему. На второй раз столь легким наказанием отделаться не удастся.

Попыталась еще раз заикнуться о своем утреннем открытии и уже набрала воздуха в грудь, как увидела тень, который мотал головой, тыкал в себя иллюзорным пальцем и корчил зверские рожи-маски, явно давая понять, чтобы я молчала.

– Если вспомните что-нибудь еще, вот, возьмите, пожалуйста, мою визитку.

На стол упала карта – замусоленная дама пик.

– Разорвите ее пополам, и я телепортируюсь к вам в течение получаса.

Взяла «визитку» и задумчиво покрутила ее в руках.

– Благодарю.

– Это я вас благодарю за беседу.

– Жаль, что не смогла вам помочь.

О тени я решила пока не говорить, раз тот так активно не хотел этого, а то мало ли: попаду еще под одно нарушение чародейских правил, о которых толком мало что знаю.

Когда инквизитор покинул квартиру, я, не оглядываясь, бросила в пространство:

– Ничего не хочешь рассказать?

Тень смущенно вытянулся, став похожим на песочные часы в интерпретации Сальвадора Дали, сделал круг почета вокруг моих ног и протянул:

– Только ссспасибо, – протянул он.

– Я предпочла бы более развернутый ответ. Почему ты не захотел, чтобы я озвучил твой обмен телами?

– Потому что это не совсем законно. Да и доказывать инквизиции, что обмен произошел почти случайно, все равно что пытаться шлифовать неотесанного. У законников же как: если тень меняет хозяина – значит, она пытается скрыться. Скрывается – значит, в чем-то виновна. Поймают и насильственно отделят, а это процедура жутко болезненная. Как будто тебя заживо свежуют. Они представить себе не могут, что тени просто захотелось новых приключений: я всегда мечтал побывать в институте магичек. О нем же такие слухи ходят...

Собеседнику (в том, что это именно «он», а не «она», после последней фразы я уверилась окончательно) надоело оправдываться, но я упорно молчала.

– Ну да, я был не прав и сглупил, в этом я похож на Ника: захотелось нового, интересного, а ты мне показалась подходящим объектом. Думал покурлесить чуток в этом институте – туда же хозяину ни за что не проникнуть, а потом... придумал бы, как вернуться

к дракону, – беспечно заключил собеседник. – В конце концов, он бы сам заподозрил неладное через месяц и нашел меня через изнанку, ему не впервой... Но я не мог предположить, что хозяин тоже решит податься в бега. Он давно говорил, что на погребальном костре видал распределение и все, что с ним связано. А Нику вот-вот должно было стукнуть двадцать шесть...

Я лишь ошалело замотала головой: чокнутая тень и такой же чокнутый дракон, и кот тоже сумасшедший.

– Но ведь их мигом найдут эти ваши инквизиторы...

– Если они не будут использовать магию – не найдут. В семи миллиардах населения планеты затеряться можно, уж поверь мне. Так что пока нам стоит с тобой жить дружно и вместе хранить нашу маленькую тайну, – подытожил тень.

Новая тень, визит инквизитора, новость об исчезновении Ника и Йожа – все это выбило меня из колеи. Весь последний день, который у меня остался перед отбытием в этот чертов институт, прошел в какой-то прострации. Но кто бы мне тогда сказал, что это – прелюдия, а основное действие маячит еще впереди.

Глава 2, в которой институтки переживают массовый шок

Август 2017, Санкт-Петербург

Я привычно лавировала в толчее подземки, каждой клеточной тела ощущая – опаздываю. Спортивная сумка, в которой минимум необходимых вещей: сменное белье, зубная щетка, телефон. В письме – принудительном приглашении – был четкий перечень того, что можно взять с собой. Всего двадцать строк и аргументация: «Всем необходимым вы будете обеспечены по прибытии». А вот указанное место меня слегка смутило. В письме значились «ворота Екатерининского дворца».

Тень на это лишь презрительно фыркнул, заявив, что секретарь, пославший письмо, – бездарь, потому как не упомянул главного: проходя через кованые ворота, нужно пролить каплю своей крови. Иначе курсируй хоть до посинения, в пятое измерение, куда могут попасть лишь магически одаренные существа, путь будет заказан. Посему, помимо перечня разрешенного с собой, я взяла маленькое лезвие: мало ли что, вдруг проекция Ника не врет и ворота потребуют моей крови. Не запястье же себе кусать.

И вот я, запыхавшаяся, стояла перед железной оградой. За вычурными изгибами металла – брусчатка и бело-голубой фасад дворца. Сновавшие туда-сюда экскурсионные группы напоминали стайки мелких рыбешек во взбаламученном пруду.

Вечер – прекрасное время, но не сегодня и не сейчас. Я все же опоздала на полчаса.

Не стала экспериментировать с бескровным проходом, а сразу полоснула ладонь лезвием и вместе с толпой азиатских туристов двинулась на встречу с архитектурным барокко.

Все началось ровно в тот момент, когда я проходила между призывно распахнутых створок: колыхание, словно воздух вмиг раскалился, поплыли очертания силуэтов, а потом меня обступил туман. Не было уже шустрых азиатов, щелкающих затворами фотоаппаратов, не было предзакатного солнца. Вместо них – пустая площадь, на которой вольготно, со всем комфортом, расположился туман.

– Ну, чего застыла? – ехидно поддел тень. – Руки в ноги и нагоняй новичков. Наверняка сейчас что-то вроде общего сбора. Давай к центральному входу, а там... Дальше разберемся.

Вняв совету, я припустила в указанном направлении. Успела как раз вовремя, перед крыльцом шла переключка, как поняла – вновь прибывших.

Когда назвали мою фамилию с именем, ответила «здесь», удостоившись нескольких кривых взглядов почтенных матрон (не иначе преподавательниц). Ну и пусть. Главное, что смогла догнать. С интересом начала прислушиваться и приглядываться к своим «коллегам по несчастью». Какие разные и все в чем-то похожие: молодые, многие – растерянные, надеющиеся. Обратила внимание еще на одну особенность: звучало много иностранных имен. Как выяснилось впоследствии, институт – чуть ли не международный, и в него отправляют девиц из разных стран. А лингвистические барьеры легко преодолевались посредством сферы слияния: при прохождении через нее национальный словарный запас заменялся на единый межмагический. Границы этой самой сферы проходили как раз по периметру Екатерининского парка.

Наконец нас, вновь прибывших, повели сначала по мраморной лестнице, а потом по

череду коридоров, где находились классы. Казалось, они никогда не закончатся. Нас привели в комнату. Длинная, она чем-то подспудно напоминала мне казарму. В ней двумя шеренгами выстроились постели, примыкающие изголовьями одна к другой с прикроватными тумбами. На каждой тумбе красовалась именная табличка – «тюремщицы» подготовились. Между постелями было небольшое пространство, в котором размещались шкафчики и табуреты.

– Да уж, а я считал, что дортуар – это что-то интересное, а на поверку – казарма казармой. – Я мысленно добавила: еще и двухсотлетней давности.

– Милые барышни, располагайтесь. В шкафчиках вы найдете форму и все необходимое для проживания в нашем институте. Напоминаю, что в семь часов ужин, а после – свободное время. В девять – все институтки ложатся спать. Сегодняшний вечер можете посвятить обустройству. – Мадам уже собралась было уходить, но обернулась на пороге и веско бросила: – Хочу уточнить, что в нашем учебном заведении все носят форму, поэтому попрошу в коридорах появляться исключительно в ней, а не в той одежде, в которой вы прибыли.

Как только дама покинула дортуар, наше женское общество ожило, забурлило, зашумело и развернуло бурную деятельность. Кто-то знакомился, кто-то обменивался свежими сплетнями, иные надменно кривили губки, изображая белую кость, голубую кровь. Мне же не хотелось ничего. Просто побыть одной. Увы, в комнате, где разом собрались тридцать молодых особ, это сделать весьма проблематично.

– А вы слышали, завтра сюда должен прибыть сам Дейминго Лим! – донесся до меня чей-то экзальтированный вопль.

Вещала девица настолько карамельной внешности, что при взгляде на нее лично у меня все слипалось. Хотя, говорят, мужчинам именно такой типаж больше всего и нравится: лицо, не обремененное великим интеллектом, красивое, с правильными чертами; стройная, но не плоская фигурка, белокурые локоны. В общем – ангел, согласный грешить. Не удивлюсь, если у нее в роду затесались нефилимы.

– Тот самый Лим – демон, которому даже Распределитель сделал исключение? – поддержала Карамельку еще одна, судя по рожкам – демоница, с длинными, до колен, косами.

– Да, тот самый. Вот от кого в мужья я бы не отказалась... – мечтательно закончила Карамелька.

– Да фу, он же, по слухам, с кучей шрамов от ожогов на теле, после той истории с сумасшедшим драконом, – вступила в диалог горгона. О ее принадлежности явственно говорили волосы, непрестанно шевелящиеся и напоминавшие клубок влюбленных змей.

– При его титуле можно и со шрамами смириться, – парировала Карамелька. – Темных высших в нашем мире не так и много. К тому же ходят слухи, что он расстался со своей последней пассией и сейчас совершенно свободен. Так что, милочки, вы как хотите, а я не собираюсь куковать здесь до распределения, ожидая, кого мне подсунет жребий. Вдруг замшелого лесовика! До двадцати шести есть еще пара лет, и я собираюсь воспользоваться правом выбора. В этом плане Дейминго – лучший из вариантов.

Она выдержала поистине мхатовскую паузу, пока институтки подыскивали подходящие ответы, а потом безапелляционно заявила:

– Так что учтите: Лим – моя добыча. И не советую переходить мне дорогу, – веско произнесла она, а потом издевательски добавила: – Душеньки.

– Думаешь, французская левретка, раз графиня, так никто тебе не указ? – возразила

демоница. – Я тоже не возражала бы проколоть ушко брачной сережкой рода Дейминго. Так что тебе придется подвинуться.

«Вот это серпентарий на выгуле!» – мрачно подумала я, слушая первую институтскую разборку между благородными магичками. К спору подключились еще несколько барышень, остальные же с азартом внимали и ждали: чем же все закончится. Девушки стояли кто в чем. Одни уже начали переодеваться в институтское: льняные длинные сорочки с рукавами; другие – еще в джинсах, брючных костюмах, коротких платьях. Но все с азартом ждали развития событий.

Мне же это было противно. Свара, обычная женская свара. Я бы еще поняла, если бы им нравился этот Лим. Но они готовы перегрызть друг другу глотки из-за положения, из-за страха оказаться всю жизнь прикованной к кому-то по воле этого чертова Распределителя.

Я тихонько поднялась со своей кровати и бесшумно вышла из дортуара. Время есть, прогуляюсь пока по саду, подальше от этих междоусобных войн, решила для себя.

Кто же знал, что судьба столкнет меня с тем, чью шкуру, рога и хвост сейчас усиленно делили благородные и не очень девицы.

Извилистые дорожки, причудливые клумбы, газон – все это застенчиво прикрывал туман. Вечер был промозглый, типично питерский, в какое измерение его ни засунь.

Он стоял, склонившись над девушкой. В его пальцах был ее подбородок, который незнакомец вертел из стороны в сторону. Девичье лицо с распахнутыми глазами казалось безжизненной маской.

Я тихонько начала отступать, стараясь, чтобы гравий под ногами не шуршал. Внутри все буквально кричало: «Беги, спасайся!» – но я понимала: если поддамся инстинктам, то точно буду почетной клиенткой морга, как и эта *mademoiselle*, в зеленом суконном платье и пелеринке, которую так бесцеремонно разглядывал этот странный незнакомец. То, что на скамейке находился труп, было явственно видно. Таких в анатомичке во время практики довелось перевидать. Слишком уж характерная, деревянная поза.

Он словно почувствовал взгляд, резко выпрямился и стремительно двинулся на меня. Я побежала, но запнулась и, потеряв равновесие, упала. Боль пронзила ногу раскаленной спицей. Отринув паническую мысль о том, чтобы ползти, с остервенением начала сдирать с рук перчатки. Как там говорил этот инквизитор: «эмоциональный всплеск»? Он уже есть. Только бы все остальное удалось, и плевать, что за повторное использование дара мне грозит еще один суд.

Он приближался уже уверенно, не спеша. Только сейчас я разглядела пару коротких рожек на голове и длинный тонкий голый хвост. Демон. Будь он мужчиной, сказала бы, что ему около тридцати: молодое лицо, но в рыжих волосах, собранных в короткий хвост на затылке, изрядная доля седины. Опасный, сильный и надменный. Почему-то сразу возникло ощущение – аристократ. Причем в настолько энном поколении, что поневоле подумалось: даже сперматозоид, давший ему жизнь, был снобом и подплывал к яйцеклетке на оплодотворение не иначе как по нормам этикета.

Демон стремительно приблизился и наклонился с растопыренной пятерней. То ли желая придушить меня, то ли поднять, как кутенка, за шею. Я не дала ему возможности сделать ни того, ни другого. Крутанулась на пятой точке и сделала подсечку здоровой ногой. Цель была простой: добиться того, чтобы этот гад упал, и потом прикоснуться и держать, пока демонюка не превратится в дряхлого старика.

Рыжий оправдал чаяния лишь частично, потеряв равновесие, но тут же выровнявшись.

Правда, сопровождал процесс приобретения равновесия странной лингвистической конструкцией, в которой я с удивлением узнала французские предлоги и междометия.

Мозг отстраненно сделал заметку: нецензурные выражения переводу на единый магический не подлежат.

Воспользовавшись тем, что рыжий на мгновение перешел из нападения в защиту, я перекатилась и сумела в отчаянном броске ухватиться за хвост демона.

То ли пятая конечность была диэлектриком от магии, то ли мой план попросту не сработал, но стареть демон не стал, лишь прошипел с матерными интонациями:

– Отпусти!

Чувствовалось, что ему жутко больно: в хвост я вцепилась мертвой хваткой и тянула на себя, как антропо-зоологическая очередь приснопамятную репку. Причем намерения у меня были такие же, как и у сказочных героев: не отпускать то, что попало в руки, и по возможности выдрать со всеми корнями.

– И не подумаю, – осмелела я, как мышь, продегустировавшая коньячную пробку и решившая пойти набить морду коту.

В следующую секунду почувствовала, как по хвосту пробегает электрический разряд, не иначе. Ладонь я рефлекторно разжала, отчего демон все же пошатнулся и с ненавистью посмотрел на меня. Впрочем, в произошедшем был один плюс: загребущих рук в перчатках он ко мне больше не тянул.

Так прошло несколько мгновений: мы оба, тяжело дышавшие, готовые к новому выпадку противника, пристально смотрели друг на друга.

Сейчас я могла лучше его рассмотреть: поджарый настолько, что еще чуть-чуть и эпитет «тощий, как щепка» будет комплиментом. Не привыкший проигрывать и прощать – опасный противник.

Первым заговорил рыжий. Слова давались ему с трудом, и чувствовалось, что он борется с желанием заменить их явно членовредительскими действиями в мой адрес:

– Зачем вы побежали от меня?

Более идиотского вопроса трудно было ожидать.

– Зачем мышь пытается скрыться от змеи? Ответ очевиден: мышь не хочет умирать.

Я выплюнула эту аксиому, хотя чувствовала: ситуация обратная. Я скорее была змеей, не слишком опасной, но к которой приближаться с голыми руками не стоит. Вот только демон полевкой, увы, не был. Скорее змеелов, у которого не оказалось рогатины.

Рыжий же понял мои слова по-своему.

– Вы посчитали, что я убил эту девушку? – И, не дожидаясь моего ответа, продолжил: – Можете не говорить. Вижу, что так и подумали. Тогда вынужден вас огорчить: я не являюсь душегубом. Меня вызвала сюда директор этого почтенного учебного заведения, поскольку не далее как сегодня утром здесь было найдено тело одной из институток.

Он выражался витиевато, пытаясь за словесной конструкцией скрыть чувства, которые в нем бушевали. Что же, ему это прекрасно удавалось: холодный взгляд, лицо без тени эмоций, сдержанная поза. Все, кроме пресловутого хвоста, соответствовало образу бездушной машины. А вот конечность, которую я так усиленно пыталась купировать методом разрыва пару минут назад, недовольно била по бордюру.

Страх отпустил. Вместо него пришла усталость: следователь. А я-то подумала... Хотя... в обычной жизни на место убийства выезжает сразу бригада. Кто же знал, что тут могут обойтись одним специалистом... или не могут?

– А где остальные... следователи?

– Вы хотели сказать – инквизиторы? – теперь уже демон с интересом осматривал меня, впрочем, не делая ни малейшей попытки предложить свою помощь по приведению девичьего тела в вертикальное положение.

Я пыталась встать самостоятельно, кривясь от боли. Увы, ничего не получалось. В голове стойко утвердилась мысль: «Я ненавижу инквизиторов».

– Не суть важно, – прошипела я. Еще одна попытка не увенчалась успехом, и я вновь упала на брусчатку, – как называть. Смысл вы поняли.

– Мы прибыли чуть раньше. Директору не пришлось даже накидывать полог стазиса на место, где обнаружили труп. Магистры уже все осмотрели и задокументировали. Я лишь ожидал, когда откроется телепорт для транспортировки тела в морг, и решил еще раз осмотреть убитую. Сожалею, что увиденное вами получило иную интерпретацию.

– Я тоже искренне сожалею, что чуть не оторвала ваш хвост.

Смысл сказанного был вежлив, как речь министра иностранных дел Лаврова: вроде все по этикету, но меж слов проскальзывает совершенно иное. Да, ни рыжий демон, ни я не сожалели о потерях противника (как моральных, так и физических), а лишь отдавали дань этикетной вежливости.

– Помочь? – все же проявил участие демон.

Хотелось гордо ответить: «Нет», но, увы, как недомедик я понимала, что с такой ногой можно только ползти. До здания же института расстояние было изрядное.

– Буду благодарна.

Я думала, что рыжий протянет руку, помогая обрести равновесие, но демон просто подхватил меня на руки и понес в сторону скамейки, где обитал труп. То, с какой легкостью он держал меня на руках, поразило. Да, пятьдесят килограммов – это, конечно, не тонна, но все же...

– Как вас зовут? – демонюка решил то ли поддержать начавшуюся беседу, то ли просто выяснял имя той, что доставила ему за короткое время столько непередаваемых хвостовых ощущений.

– Светлана Смирнова.

– Значит, Лючия... – протянул он.

В первое мгновение озадачила эта интерпретация моего имени. Ну да, я знаю, что греческим аналогом «Светланы» является «Фотиния», а на латинский же переводится как «Светящаяся», «Лючия». Но видно, что-то с межъязыковым переводчиком было не так, раз демонюка обозвал меня на итальянский манер.

– А вас? – решила и я проявить светскость.

Демон от этого простого вопроса аж споткнулся.

– А вы не в курсе? – холодно и подозрительно, словно проверяя меня на вшивость, спросил он.

– Откуда? – невежливо, вопросом на вопрос, зеркально ответила я.

– Тогда простите. Лим Дейминго.

– Отвыкли, что вас не узнают? – съязвила я, сопоставляя дортуарный диалог и живой предмет матримониальных планов институток.

Мы как раз пришли, и вместо ответа демонюка мне решил подло отомстить: посадил на ту же скамейку, где ожидала телепортации мертвая институтка.

– Да, – с ухмылкой заключил он, а потом резко сменил тему, поясняя: – Сейчас я

отправлю тело в морг и донесу вас до лазарета.

Я представила себе эту картину и ее последствия: если это увидят те, кто метят в жены к этому графу, то меня просто порвут, придушат, изничтожат, как помеху к этой их, как они говорили, «брачной сережке». Захотелось малодушно ответить: «Я уж как-нибудь сама, на одной ножке допрыгаю», но прикусила язык. Отказаться от помощи всегда успею. А судя по надменной роже этого аристократа, второй раз услуги носильщика он предлагать не будет.

Я повернула голову. В метре от меня был труп. Может, какая другая экзальтированная девица и решила бы испугаться и лишиться чувств, но, увы, я видела не просто трупы, я видела людей без кожи, мышц и с распоротой брюшной полостью. Пытаться напугать медика мертвяком так же бесперспективно, как роженицу – дефлорацией.

– Да вы присаживайтесь, – я похлопала ладонью рядом с собой. – В ногах правды нет.

Демон удовлетворенно хмыкнул и... присел. Между мной и трупом. Его хвост тут же обвил одну из лодыжек хозяина, словно смущался.

Я же с профессиональным интересом успела заметить на шее девушки характерную полоску, свидетельствующую о причине смерти: асфиксия.

– Милость султана? – поинтересовалась я, кивая на труп.

Да, была в средневековой Турции такая казнь для обитательниц гаремов. Наложнице или жене присылали шелковый шнурок, как знак того, что она скоро умрет. Ну как скоро – в течение пары минут. Тот, кто доставлял сей странный подарок, тут же его и примерял на шейку не удобной господину. Считалось, что такая скользкая удавка лишает жизни быстро и безболезненно.

Похоже, Лим тоже был наслышан об этой славной восточной традиции.

– Если бы, – печально вздохнул он. – Ее до убийства еще и пили. Больше недели, судя по всему, и выжали всю магию, а потом просто придушили. У нее все ладони изрезаны рунами. Подозреваю, что и по центру живота тоже обнаружится знак, но это уже в морге выяснят, при детальном осмотре.

Морг напомнил о себе, явив серый с металлическими проблесками столб портала. Из него вышли двое. Один из прибывших протянул Лиму бумагу, на которой демонюка оставил отпечаток пальца, а второй прибывший, не церемонясь, накинул на труп сеть. Последняя повела себя странно, начав опутывать тело. Ее нити расширялись, все уменьшая пространство ячеек вплоть до того момента, пока мертвая институтка не стала похожа на кокон гусеницы. После чего инквизитор взмахнул рукой, и труп поплыл в портал.

– Всего доброго, – бросил второй трупоекспроприатор и вслед за своей добычей и первым коллегой удалился в портал.

– Ну, вот и все. Давайте я отнесу вас в лазарет, – холодно процедил демонюка.

Я только начала подыскивать слова для ответа, как меня скрутила боль. Резкая, сильная настолько, что я закричала. Живот и ладони буквально горели огнем. Было ощущение, что на оголенные нервы льют расплавленный свинец. Захотелось скорчиться от боли.

– Смотри на меня, на меня, глаза в глаза! – резкий, повелительный тон.

Демон схватил меня за плечи.

Я чувствовала, как лечу в бездонный колодец боли. Как со всех сторон подступает тьма, и только его голос, его слова были якорем, который держал меня на грани реальности. И еще глаза – цвета солнечного янтаря.

– Давай, давай держись, я возьму на себя часть того, что сейчас чувствуешь.

После этих слов он прижался своим лбом к моему. Боль начала постепенно

притупляться, время возобновило свой привычный бег, а потом все резко закончилось. Так, словно ничего и не было.

Рыжий отпустил, и я согнулась пополам, глотая ртом воздух. Тень, доставшаяся мне по обмену, корчилась, словно ее бил Паркинсон.

Лим тоже это заметил и, присев на корточки, заглянул в мое лицо.

– Ничего объяснить не хочешь? – Рыжий ткнул пальцем в тень.

То, что он перешел на «ты», меня даже не удивило.

Отпираться было бессмысленно. Так или иначе, этот законник припрет меня к стенке.

– Не хочу, но придется, – выдавила из себя я.

Демон удовлетворенно кивнул и совершил поступок, который не вязался со сложившимся у меня в отношении его образом. Лим снял с себя пиджак и накинул мне на плечи. А я-то думала, что этот надменный инквизитор чужд рыцарства.

– Чтобы зубами не клацала при рассказе, – пояснил он, утвердив меня в том, что законники – заразы. А я-то чуть было не решила, что он хотел согреть меня из благородных побуждений.

Историю пришлось начать с того, как я вообще узнала о существовании иного мира, а именно с пробуждения дара. По окончании повествования демон выглядел хмурым и задумчивым.

– Значит, поменялись тенями, говоришь... А потом дракон пропал.

У меня же в голове мысли завертелись бешеной каруселью: труп институтки с метками на ладонях и на животе – ровно там же, где только что боль у меня была нестерпимой. Чтобы убедиться в своей догадке, без обиняков спросила у Лима:

– Этот случай, он ведь не единичный? Были и еще?

После долгого молчания демон подтвердил:

– Да. Это серия. Дело «скользящего за талантами», как его метко успела окрестить магпресса. Четыре трупа. Каждый с такими вот отметинами и каплей металла на правом запястье. Больше никаких зацепок.

Я, опережая его вопрос, ответила:

– Нет.

Лим усмехнулся:

– Всегда ценил в женщинах ум и сообразительность. – И вместо меня ответил на так и не прозвучавший вопрос: – Да. Увы, выбор у тебя теперь только условный. Ты причастна к этим убийствам. – Он смотрел на меня не моргая, пристально, как снайпер в прицел. – Думаю, что твой друг сейчас лежит на лабораторном столе этого маньяка. Ты же испытывала то, что чувствует маг, когда из него силой забирают дар.

– Через тень? – решила все же уточнить.

– Именно. До этого момента гаденыш, что хладнокровно отправлял на тот свет молодых, сильных магов, не оставлял следов. Но сейчас ты – это нить, которая может привести к нему. И мне безразлично, хочешь или нет: ты будешь мне помогать.

Я закусила губу в отчаянии. Почему именно я? За что?

– Эти приступы... как часто я буду их чувствовать?

Лим, присев рядом, упер локти в колени и провел ладонями по лицу, словно пытался плеснуть несуществующей водой и умыться. Сейчас он уже не напоминал мне замороженный минтай аристократического происхождения. Это был просто уставший следователь.

– Не знаю. Могу сказать только то, что между исчезновением и обнаружением трупа проходит около трех недель.

– А если...

Не успела договорить.

– Ты можешь не пережить болевого шока и умереть. Сегодня я взял часть того, что ты чувствовала, на себя, но в следующий раз...

Он не договорил, но я и так поняла: он не всегда будет рядом, а кто другой может и не догадаться.

– Давай отнесу тебя в лазарет, – решил сменить тему Лим.

Его слова были словно развевающийся клетчатый флаг, означающий начало гонки: боль в опухшей ноге напомнила о себе резко и с полной отдачей.

– Лучше бы не говорил, а сразу отнес.

– Меньше бы болело? – поддел демонюка.

– Да, – уверенно ответила я. – Девичий склероз творит чудеса и помогает забыть даже о боли.

Рыжий невозмутимо подхватил меня на руки и понес в сторону института. Мы некоторое время молчали. Туман с наступлением вечера стал сгущаться. Было ощущение, что мы идем в облаке: видимость практически нулевая, на одежде – капли росы, и холод вокруг. Накинутый на плечи пиджак не согревал, я начала дрожать. Лим, почувствовав это, прижал меня сильнее, пытаясь тем самым согреть.

– Не надо. Я не умею еще управлять своим даром и могу навредить.

– То, что ты способна превратить меня в тысячелетний скелет, я почувствовал, когда ты столь рьяно вцепилась в мой хвост, – демонюка криво улыбнулся, – но блоки против такого воздействия инквизиторы ставить тоже умеют.

Его ответ позволил мне если не расслабиться, то хотя бы снять часть напряжения.

– А как так получилось, что ты появился на день раньше? И зачем тебя вообще тут ждали? – вопросы из серии извечного женского любопытства, ничем не обоснованного, но разъедающего натуру столь же сильно, как азотная кислота любую органику.

– Скажи, а ты всегда задаешь столько вопросов?

– И все же? – я не дала сбить себя с толку, пропустив шпильку.

Лим молчал и хитро улыбался, что навело меня на мысль:

– Специально попросил пустить слух, чтобы нечаянные свидетельницы усиленно готовились к завтрашней встрече и сидели по дортуарам, не мешая сбору улик?

– Ну вот, видишь, сама догадалась, – хитро протянул рыжий. Его дыхание щекотало мою макушку, а двусмысленная ситуация вновь заставила нервничать. – Поэтому раз ты такая догадливая, то понимаешь, что обо всем произошедшем, в том числе и о теле, обнаруженном в парке, нужно молчать.

Опережая мой вопрос, демонюка пояснил:

– Труп обнаружила оперативная бригада, среагировав на всплеск магии временного портала. Но ни убийцы, ни кого бы то ни было, кроме умершей, увы, не было. Инквизиторы сразу же накинули полог стазиса и уведомили дирекцию, однако местные барышни не в курсе...

Ясно: магия магией, а всеобщая паника – дело заразное. Лучше уж пусть институтки забивают голову нарядами, чем шепчутся о маньяке.

Лим не стал штурмовать парадное крыльцо, а, обойдя с торца, воспользовался черным

ходом. Низкие длинные коридоры со сводчатыми потолками, небольшая лестница – и вот мы наконец-то в лазарете.

– А! Уже! Отрадно, отрадно! – маленький, с большими, словно позаимствованными у Чебурашки лопаухими ушами, увешанными множеством сережек, сидел леприкон. Он весело болтал короткими ножками, не достававшими до пола, расположившись на высоком стуле.

– Прошу вас, уважаемый. Посмотрите, что у девушки с ногой, она неудачно оступилась и упала.

При этих словах Лима мастер скальпеля расплылся в улыбке.

– Кладите пострадавшую на кушетку, посмотрим, что там, – деловито потирая руки, произнес хозяин врачебального кабинета.

Осмотр был быстрый и весьма болезненный. Несмотря на свой малый рост, леприкон вцепился в лодыжку с поистине бульдожьей хваткой, правда, сначала прошелся едва уловимыми касаниями. Было ощущение, что нога попала в тиски, а потом лекарь медленно начал вправлять сустав. Я прекрасно понимала, что это должен делать костоправ: даже дипломированные специалисты-нехирурги стараются не лезть в епархию травмовиков, хотя теорию знают все в одинаковом объеме, что стоматолог, что терапевт.

После того, как кость встала в сустав, лекарь наложил повязку, а поверх ее – холодный компресс (который через десяток минут сам же и убрал) и заклинание регенерации. Делал он это вдохновенно, и у меня осталось стойкое ощущение, что данный служитель Гиппократы ценит не пациентов, а болезни в них.

После всех манипуляций мне был торжественно вручен костыль и озвучена устная схема, как добраться до девичьей спальни, где я обосновалась.

Лим, наблюдавший за процессом излечения в полном молчании, помог открыть дверь со словами:

– Извини, дальше проводить не смогу: все же институтские коридоры небезлюдны, а излишнего женского внимания я предпочитаю быть лишен. Единственное, что могу сказать, что наша встреча не последняя, вскоре я тебя навещу.

Когда я вышла и уже почти закрыла дверь, до моего слуха донеслось:

– И на что только не пойдут нынешние барышни, чтобы произвести впечатление и заполучить себе хорошего мужа... – сетовал Лиму леприкон.

– Да, эта Лючия определенно сумела произвести на меня впечатление, – протянул демонюка задумчиво, – только, надеюсь, ее тактика знакомства не станет достоянием общности, вы ведь меня понимаете...

«Вот ведь шельма!» – мелькнуло у меня в голове. Демон, как и прочие инквизиторы, вызывал лишь одно стойкое желание – никогда более не встречаться. Но это были эмоции, а вот разум твердил другое: «Этот рыжий засранец – твой единственный шанс вылезти из всего этого живой».

Тень, скользившая за мной по пятам, выглядела столь же пожеванной и замурзанной, как породистый и откормленный до состояния недвижимого полешка кот, попавший в качестве игрушки к ораве маленьких детей.

– Ну, дорогой мой сопроводитель, что скажешь? – иронично спросила я драконье наследство.

– Что мы влипли, – угрюмо констатировал тень. – Умрет мой хозяин – умру и я. Да и ты вполне можешь. Из твоей тени тоже силы тянут.

– Да уж, не было печали.

– А хуже всего то, что это дело ведет сам Дейминго. Если за расследования взялся этот титулованный бессердечник, то могу сказать лишь одно: оно громкое и сложное.

– Порадовал. Кстати, а почему «бессердечник»?

– А, долгая история. – Махнул иллюзорной рукой тень. – Впрочем, время у нас есть, ты еще долго костылять по коридорам будешь, могу и рассказать. В свое время этот хитрый демонюка стал настоящей легендой, сумев обойти дюжину незыблемых догм магического общества. Во-первых, стал законником, что при его титуле – нонсенс. В большинстве своем родившиеся с золотым амулетом на груди по достижении двадцати шести лет занимают места в совете магов, который, по моему скромному мнению, напоминает кучку чванливых маразматиков. – Тень с легкостью ушел от первоначальной темы разговора, но я на то была не в обиде. – В совете был смысл лет эдак тысячи четыре назад, когда тьма, зыблющая мирозданье, совершила свой последний прорыв. Тогда-то сильнейшие чародеи подняли свои акинаки, отразили удар и запечатали все врата. Кстати, столбы тех врат ныне популярны у туристов.

– Интересно, и что же это? Вечный город Рим отпадает, судя по датировке, как и Великая Китайская... Пирамиды в Гизе? Хотя, какие из них столбы... Стонхендж! – пришло озарение.

– Бинго, детка! Да, темнейших загнали в круг портала и окольцевали его контуром. Столбы послужили материальными векторами стабильности. – Тень совершил кульбит на стене, завертевшись спиралью, как пробирка в центрифуге, и перетек на потолок. Изобразив зевок, словно устал, он вновь заговорил: – Но вернемся к нашим баранам, в смысле высокородному рогатику. Во-вторых, Дейминго сумел извернуться и к тридцати двум годам остаться холостяком, что уже само по себе заслуживает отдельного внимания.

– Слушай, раз уж речь зашла об этом самом Распределителе: зачем он вообще нужен?

Тень замолчал, почесал иллюзорную макушку, а потом вдруг стал похож на силуэт филина в судейской шапочке. Голос его тоже изменился, став похожим на уханье.

– Ах, ах, как вам не стыдно, барышня! Обучаетесь в институте благородных чародеек, готовитесь стать образцовой женой и даже не знаете, в чем вся соль!

Актерские навыки тени я оценила и решила подыграть:

– Не знаю, господин старый сыч, будьте столь любезны, поясните.

– Уфу! – ответил тень и тут же перестал ломать комедию, начав рассказ уже нормальным голосом. – Понимаешь, тут такое дело. Уже несколько сотен лет наделенные даром заметили, что все чаще рождаются дети с нестабильными способностями, которых их же магия и убивает. Или вовсе без чародейской искры. Вырождаются маги как среди людей, так и среди демонов, эльфов, драконов... И чем выше уровень дара, тем больше риск смертности наследников. И если до двадцати шести еще есть шанс, что зачатый наследник будет рожден здоровым от случайной комбинации генов, то после... особенно у высших шансы практически нулевые. Распределитель же выбирает по принципу: раз не по любви, то для пользы. Пары, как я понял, состояются из тех, кто способен дать наиболее плодовитое и магически одаренное потомство.

– Это же скрещивание в чистом виде! Как горошек Менделя, как племенных кобыл и жеребцов. И они идут на это?

– Идут, – согласился тень. – Почти все. Ведь в глубине души каждому отцу хочется увидеть своего наследника. Каждой матери – живого и здорового ребенка с даром. Распределение – это шанс, жаль только, что чувства при этом не учитываются.

Я приноровилась к костылю и довольно бодро пробиралась по коридору. На тень же напал приступ болтливости, не иначе, ибо драконий сумрак разошелся.

– Кстати, институт благородных чародеек тоже в какой-то мере помогает Распределителю. Здесь обычно обучают девушек с высоким даром. И осваивают они не только чародейские дисциплины. Им все шесть лет вголковывают на подсознательном уровне, что брак – это не чувства, а долг. Что их задача – продолжить род, и прочее. Жаль только, что лучшие выпускницы этого почтенного заведения – отменные стервы, – закончил сумрачный двойник Ника.

В последнем я убедилась уже спустя какой-то час.

Глава 3, в которой присутствуют научные и житейские дисциплины

Август 2017, Санкт-Петербург

Когда открыла дверь и вошла в дортуар, сначала на меня никто не обратил внимания, но потом костыль надсадно закрипел, с лихвой отыграв роль реквизита, сделавшего сцену без участия актера: все взгляды разом обратились на меня.

Повисла немая сцена, требовавшая хоть какого-то объяснения с моей стороны. Не нашла ничего лучше, чем улыбнуться и невинно захлопать ресничками:

– Вот, прогулялась немножко... – во время этой короткой реплики я ощущала себя потомственной клинической идиоткой. Впрочем, пусть лучше меня считают недалекой дурой, чем препятствием на пути становления миссис Дейминго, – а лестницы тут оказались слишком крутые, зато лекарь – замечательный. Помог добраться до лазарета и ногу вправил...

На последние заявления послышалось фырканье и смешки.

– Ах, mademoisell'ечки, – коверкая институтское обращение «мадемуазель-с», заявила та самая девица с внешностью наваниленной Барби, – что с убогой недомагички взять? Она-то небось даже азов не то что магии, а дефиле не знает... Как только попала сюда?

Гламурная стерва облила меня волной презрения. «Так, понятно, пока я совершала моцион, произошел дележ не только шкуры Лима, но и власти. И, судя по всему, в лидеры выбилась вот эта цокалка», – отстраненно подумала я. На этот ее выпад хотелось ответить правду в стиле: «Девочки, я тут немножко осужденная, с бесконтрольным даром, так что, если состарю до смерти кого ненароком, вы не обессудьте». Увы, прекрасно понимала и последствия таких слов: я наживу себе врага в первый же день пребывания в институте. А мне и трупа на сегодня достаточно, потому решила примерить маску глупой, недалекой и безобидной девицы без породистой родословной.

В притворном отчаянии закусила губу и опустила взгляд. Пришлось задержать дыхание, чтобы щеки покраснели, имитируя стыдливый румянец.

– Не обращай на Камилу внимания, у нее яду столько, что сам аспид позавидует, – слова, обращенные ко мне, принадлежали той самой длиннокосой демонице.

Я понимала, что сейчас она произнесла это не для того, чтобы поддержать меня, а скорее уколоть соперницу, но как говорится: «Враг моего врага – мой друг, пока наш совместный противник – не труп». Посему ответила на реплику смущенной улыбкой, как этого требовала роль, которую я сама себе же и назначила. Между тем демоница демонстративно отложила расческу, которой расчесывала волосы, и подошла ко мне. Милосердие в ее глазах отсутствовало напрочь, хотя спокойному мягкому голосу зааплодировали бы херувимы:

– Давай помогу, – пропела она и представилась: – Меня, кстати, Шейлак зовут.

– Спасибо, а меня Светлана, – пришлось ответить такой же любезностью и принять помощь.

Карамелька, которая, как оказалось на поверку, способна стать донором-рекордсменом при сборе яда в серпентарии, молча кривила губки, глядя на то, как я с демоницей шагаю

между кроватями. То ли посчитала отвечать ниже своего достоинства, то ли попросту не нашла чем покрыть, чтобы не потерять лицо.

– Жаль, что на ужин ты опоздала, – пояснила Шейлак после того, как мы добрались до моей кровати. – Сейчас все переодеваются и готовятся ко сну. Я могу тебе помочь. Хочешь?

Хотя эта забота и была выказана благожелательным тоном, но я кожей чувствовала, что правильный ответ на этот вопрос: «Нет». Невольно подумалось: «А демоница – более опасный противник, чем эта Карамелька. Блондиночка действует в открытую, как избалованная девчонка, привыкшая все получать по первому требованию. Шейлак же – тонкий психолог, великолепная актриса и стратег, прямо как кардинал Ришелье», – пришло на ум неуместное сравнение.

– Спасибо, но не стоит, – я мягко, неуверенно улыбнулась и подняла на рогающую красавицу взгляд. Постаралась, чтобы в нем была искренняя благодарность, но, похоже, чуток переборщила, уйдя в зону «щенячий восторг», поскольку губы демоницы на долю секунды раздраженно скривились.

«Перелет. Лежим в окопе», – констатировала я и потянулась за стопкой белья, лежавшего в изголовье кровати.

Помощница поняла, что на этом ее миссия и роль благородной спасительницы от гнета Камилы благополучно завершены, и направилась в сторону своей кровати. Я же начала переодеваться, прикидывая, как половчее стянуть джинсы, не потревожив фиксаж.

Когда справилась с процессом переодевания и вошла в умывальню, что примыкала к дортуару, глазам моим предстала неожиданная картина. Признаться, я, дитя двадцать первого века, не ожидала увидеть пусть и вычурно-помпезный, в стиле ампир, но медный желоб, тянувшийся вдоль стены, над которым помещались две дюжины кранов. Никогда не понимала, почему надо пользоваться в быту предметами старины. Да, они роскошны и дорогостоящи, хотя бы за счет того, что являются произведениями искусства, живым голосом истории, но я считала, что место для таких экспонатов – музей, но никак не дамская комната. Меж тем руководство института думало иначе. Меня вообще с того момента, как я вошла в ворота дворца, не покидало ощущение, что время здесь словно застыло. Как будто декорации прошлых эпох могли привить истинное благородство, которое в наше время стало похожим на привидение: многие о нем говорят, но мало кто его видел.

Шум, царивший в умывальне, был чем-то схож с птичьим базаром: та институтка, что напомнила мне горгону, обдавала брызгами холодной воды остроухую эльфийку. Последняя визжала, выйдя ради такого дела из апатии.

Я подошла к одному из кранов и повернула вентиль. Сильная струя ударила в медный желоб, обдав брызгами меня и соседку справа. Девушка, которая приняла по моей вине душ, больше всего напоминала девочку-осень: рыжая, с россыпью конопушек и хитрющим взглядом чуть раскосых глаз.

– Ты ведь не из благородных? – она начала разговор первой.

Отрицать очевидное не имело смысла.

– Да.

– Я тоже. Меня зовут Арико Тэн, – а потом, шкодливо улыбнувшись, добавила: – Я – кицунэ.

Краем глаза видела, как при этих словах моя тень заинтересованно потянулась к оборотню. Так, похоже, кто-то уже нашел объект для обогащения информацией по особенностям институтской жизни.

Лиса же, ничего не подозревая, продолжала:

– Не обращай внимания на высших. У них постоянно такие разборки: кто чьим мужем будет, чуть ли не с пеленок. Каждая хочет урвать себе куш власти и денег побольше.

В голове вертелся бестактный вопрос, который я никак не могла облечь в более корректную форму, а потому спросила как есть:

– А ты как сама оказалась в этом высокородном виварии?

Лисичка, похоже, не привыкшая к откровенным вопросам, столь же ожидаемым, как БТР на сцене Мариинки во время «Лебединого озера», на секунду замерла с губкой в руке. Я уже сожалела о сказанном, как вдруг кицунэ, тяжело вздохнув, призналась:

– Меня посчитали перспективной болонкой, от которой больше выгоды при вязке с благородным, чем если бы я взялась охранять дом...

Такой неприкрытый цинизм по отношению к себе вызывал мурашки. Тэн же горько усмехнулась своему отражению в зеркале, которое висело над кранами.

– Отец решил, что если я буду учиться в обычном магическом университете, то максимум, чего смогу достигнуть, – стать хорошим специалистом. Но даже отличный работник не пробьет «стеклянного потолка» без связей, – она с ненавистью выдохнула.

У меня было ощущение, что ее слова – невольная исповедь Арико самой себе, оправдание и мантра одновременно. Ей, как и мне, было одиноко и тяжело в этом институте, она подсознательно искала того, кому могла бы выговориться.

– Это только у людей дворник может стать министром финансов, да и то, я полагаю, это не больше, чем предвыборный пиар-ход, миф двадцать первого века. Здесь же все иначе: будь ты хоть трижды гений, выше определенного ранга не продвинешься. Да, есть исключения, но они лишь подтверждают правило: титул и деньги открывают двери, в которые простым магикам ход заказан. У меня же оказался достаточно сильный дар, и отец решил пойти ва-банк. Ведь этот институт – как племенной загон, из которого Распределитель вот уже пятьсот лет отбирает спутниц для сыновей высшего чародейского света. Сюда попадают девушки двух категорий: с сильным даром, способным передаться наследникам, и высокородные по праву рождения.

– И ты согласилась? Это же амбиции твоего отца...

– Не амбиции, а здравый смысл. Я отдаю отчет в том, что продаю себя на этом аукционе честолубия. Но зато мои дети будут вольны в выборе, которого ни у меня, ни у моей матери не было.

Я помотала головой. Никогда не принимала восточного мировоззрения, которое считает одного человека лишь винтиком большого механизма, зачастую пренебрегая его уникальностью, его правом на счастье. Тэн по духу была истинной дочерью Востока: пожертвовать собой ради давших тебе жизнь и тех, кому ты жизнь можешь дать.

– Да что я тебе прописные истины объясняю, сама наверняка здесь за тем же, чтобы попасть в знатный род. И не надо лукавить, тут все такие, поэтому предупреждаю, хоть ты мне и нравишься, я тебя предаю, подставлю, обману, если почувствую, что ты можешь перейти мне дорогу...

Сказано это было с доброжелательной улыбкой, от которой я поежилась.

– Знаешь, спасибо.

– За что? – удивилась Арико.

– За честность. Но в одном ты не права. Я здесь не для того, чтобы выгодно выйти замуж, я здесь мотаю срок.

– Это как? – серьезности на мордашке кицунэ как не бывало, зато ее глаза засияли в предвкушении чего-то необычайно интересного.

«Вот что значит оборотень: ее эмоции менялись с той же скоростью, с которой вирус заражает файлы на девственном харде, ни разу не познавшем Касперского», – подумалось вдруг.

За разговором с кицунэ прошел остаток вечера. Дортуар уже погрузился в сон, когда я услышала шепот. Голос принадлежал тени:

– Спишь?

Как по мне – так это самый идиотский вопрос, на который положительного правдивого ответа в принципе не существует.

– Нет, медленно моргаю, – на ультразвуке ответила я.

– Тогда пойдем на разведку, – воодушевился тень.

Я припомнила, чем не далее как сегодняшним вечером окончился мой променад, хотела ответить решительным отказом, но тень с интонациями заправского шантажиста прошипел:

– Тогда я дождусь, пока ты уснешь, и... в общем, фокус с будильником покажется тебе невинной шалостью.

«А ведь этот зараза может!» – констатировала я, припоминая ежеутреннюю побудку.

– Уговорил, но только недолго, – я потянулась за костылем.

Вот уж не думала, что в первую же ночь буду выгуливать тень по институтским коридорам. Как оказалось в дальнейшем, наши ночные бдения имели самый неожиданный результат. И это с учетом того, что занятия еще даже не начались.

Тень практически растворился в обсидиановой мгле коридора. Я неторопливо переступала, опираясь на костыль и лоя себя на мысли, что в ближайшее время точно не буду мечтать о собаке. Четвероногий друг – это хорошо, но чтобы его безропотно выгуливать, его надо любить, иначе спустя неделю возненавидишь ранние утренние подъемы и необходимость вечером в любую погоду брать в руки поводок и намордник. Поскольку к тени привязанности я не питала, ненавидеть наш совместный «выгул» я начала уже спустя пятнадцать минут.

Костыль почти не скрипел, тень резвился на потолке, коридор был безлюден и тих, как кладбищенская полночь. Вдруг до моего слуха донеслось:

– Да, сударь, наглости вам не занимать!

Взволнованный фальцет был мне не знаком. Уже собиралась пройти мимо, потому как поняла – непреложному правилу нового мира: не влезай, и проблем будет на порядок меньше – лучше следовать. Целее будут и шкура, и нервы. Тень спутал мои планы, скользнув вперед и буквально прилипнув к замочной скважине одной из массивных дверей.

– Брысь! – шикнула первое пришедшее на ум.

– Я не кот, чтобы мне «брысь» командовать, – сварливо проворчал мой компаньон по выгулу. – К тому же тут так интересно...

Я подошла чуть ближе, в надежде усювестить тень, но как только услышала следующую фразу, позабыла о своих первоначальных намерениях.

– Хватит этих речевых оборотов, пропахших нафталином, – а вот обладателя этого голоса я знала. Имела удовольствие не далее как сегодня тянуть его за хвост в парке. – У меня есть информация, что одна из ваших институток может стать очередной жертвой маньяка.

– Я всегда считала, что у вас, граф, было отвратное воспитание, и то, чего вы просите,

недопустимо!

– Не прошу, а требую, милая мадам Веретес, – педантично уточнил Лим.

«Так, похоже, кандидатка на очередное свидание с маньяком – это я», – предчувствие было нехорошее. Решила, что раз выпал случай поживиться информацией, которая скорее всего касается моей жизни и здоровья, стоит плюнуть на нормы воспитания. Я прильнула глазом к замочной скважине.

Увиденное повергло в шок: толстый, длинный змеиный хвост извивался по ковру, приподнимался и переходил в женское тело: тонкая талия, высокая грудь, огненные локоны, уложенные в высокую прическу. Эта самая мадам Веретес стояла перед зеркалом, и мне был виден лишь ее профиль, но даже его было достаточно для того, чтобы сделать заключение – хороша, змеюка, ой как хороша.

– И кто же эта институтка? – прошипела мадам Гадюка.

– Этого я вам, увы, не скажу. Тайна следствия, – сухо ответил Лим. – Так к какому времени Аарону телепортироваться к вам?

– Я же сказала, что ни разу за всю историю института ни один мужчина не преподавал в его стенах. И этого не будет впредь!

– До этого ваших воспитанниц не убивал маньяк, так что мой совет – оставьте ваши принципы. К тому же, извините, но среди инквизиторов нет того, кто отвечал бы вашим гендерным предрассудкам. Среди законников женщин нет, и вы это прекрасно знаете.

– Но тогда хотя бы не этого... – в Змеевне воспитание боролось с эмоциями. Последние одержали безоговорочную победу, потому как ее литературная вязь скатилась в просторечный сленг: – Кобеля, который к своим двадцати шести оприходовал половину потенциальных невест высшего света! Раз такое дело, может, вы сами...

– Нет, – сухо отрезал Лим. И на то есть веские причины. Аарон же – один из лучших следопытов, а его личная жизнь... вам ли не знать, что такое сплетни? К тому же юноше уже двадцать шесть, в этом году его ждет, потирая крылья от нетерпения, Распределитель. Вдруг в эти несколько недель он встретит в ваших стенах свою истинную любовь... – уже откровенно издеваясь, заключил Дейминго.

Мадам тоже уловила эту завуалированную колкость, но женщина на эмоциях подобна БелАЗу, выехавшему на МКАД: если не принял его во внимание, то жестянщик тебе уже не поможет.

– Мне плевать на ваше заявление. Разрешение на портал для вашего Аарона я не даю.

– Вы вынуждаете обвинить вас в пособничестве убийце, – устало протянул Лим, словно этот аргумент был козырем в споре. – Завтра можете писать заявление об увольнении...

– Но... – Веретес со злобой сжала кулаки. – Будь по-вашему. Но учтите, если ваш сотрудник обесчестит хотя бы одну из моих девочек, то вам, я повторяю, вам, а не ему, придется на ней жениться. И я вам не Распределитель: от меня не отвертитесь.

– Я вас услышал, – голос Лима был подобен сжиженному хлору: такой же теплый и жизнеутверждающий.

Зеркало полыхнуло синим. Похоже, сеанс связи подошел к концу.

– Кто же эта потенциальная жертва, над которой так трясется помощник главного инквизитора?.. – зло прошипела мадам, – из-за одной маленькой мерзавки теперь репутация всего института под угрозой. Да лучше бы ее этот маньяк по-тихому убил!

– Ничего себе заявочка, – отстранившись от замочной скважины, я переглянула с тенью. До слуха донеслось:

– Узнаю – лично сверну ей шею.

Тихонько начала отходить от двери, пока Змеевна не выползла из своих апартаментов. Как только мы с тенью оказались в безопасности, я решила уточнить:

– Скажи, а в этом мире всегда репутация выше жизни?

– Нет, – озадаченно ответил мой бестелесный спутник, – но понимаешь, смерти, в том числе и насильственные, в подобных заведениях хоть и редки, но бывали: устранение соперницы, несчастная любовь и прочее. Обычно руководство стремится их замять. А вот что касается мужчины, я имею в виду не уродцев-леприконов, или гоблинов, или низших слуг, а сильных, самцовых... появление преподавателя в исключительно женском заведении, где возвращают столь специфический товар, – случай беспрецедентный. Это все равно что в женский монастырь инкуба пустить.

* * *

Утро началось непростительно рано с вопля:

– Узнаю, кто это сделал, прокляну и изничтожу! – иерихонской трубой верещала Камила.

Сонно прищурилась и попыталась сесть на кровати. Карамелька металась по дортуару в одной ночной сорочке. Привлекательно так металась. Я бы даже сказала, чуток эротично. Единственное, картину портили волосы. Они не развевались воздушными локонами. Нет. Они представляли собой монолит в лучших традициях железобетонного комбината, отливая на свету всеми оттенками детской неожиданности.

– Попробуй заклинание «шелковистый волос», – слабо посоветовал кто-то из институток – подпевал местной королевы.

– Да пыталась уже! Не берет. Знать бы еще, что за магию применили, – экс-блондинистая красавица зло сверкнула глазами, а потом, увидев демоницу, взревела: – Это все ты, я знаю, это ты подстроила!

– Докажи, – лениво потягиваясь, ответила длиннокосая. – Но то, что Дейминго на тебя сегодня и не взглянет, – это факт.

Рогатая довольно ухмыльнулась и демонстративно потянулась за расческой.

Я украдкой бросила взгляд на тень. Самодовольная световая клякса свернулась на полу клубочком.

– А ты знаешь, кто это сделал?

– Да, – прошептал тень, волчком крутанул на месте, разжигая мое любопытство, и прошелестел: – Я же говорил, что кицунэ мне вчера понравилась. Эта девочка умело стравила двух самых опасных соперниц, использовав обыкновенную акриловую краску. А вот Камила могла бы догадаться, что ее пикантная проблема не магического, а лакокрасочного плана.

– А почему не догадалась?

– Здешние обитательницы всю жизнь купались в магии, для них телефоны, солярии, Wi-Fi – это как костыли, которые нужны лишь людишкам. Они же, например, привыкли использовать заклинание зеркала, позволяющее не только связаться с абонентом, но и при необходимости тут же к нему переместиться, чистят одежду магией, вместо того чтобы постирать в машине, к тому же у многих дома были служанки из низших... Вот некоторые и

оказываются беззащитны против беспощадного химпрома.

«Да уж, и в этом паноптикуме мне, если повезет, жить еще шесть лет. А если Лим маньяка найти не успеет, то и того меньше», – подумалось невесело.

Карамелька меж тем поняла, что сегодняшней бой проигран, и крыть ей нечем. Полагаю, от банального выдиранья волос ее удерживало лишь одно: в схватке этой гламурки с демоницей я бы поставила на рога тую. Чисто из учета весовых категорий.

Топнув ногой в бессильной злобе, Камила убежала в умывальню, откуда донесся горестный плач в лучших традициях былинной Ярославны. Дортуар замер в предвкушении. Да, мы одевались. Причесывались, но умываться никто не шел. Ждали появления звезды. Долго. Наконец она вышла. С прямой спиной, гордо расправленными плечами и абсолютно лысым черепом.

Кто-то из институток художественно просвистел. До моего слуха долетел шепоток:

– Даже заклинание роста волос не поможет, тут, как минимум, сутки нужны...

Карамелька не плакала, нет, она неспешно подошла к своему шкафу и с невозмутимым видом начала доставать институтскую форму.

– Пойду умоюсь. Сегодня, возможно, мне выпадет шанс... – многозначительно протянула демоница и поплыла в направлении дортуара. За ней гуськом потянулись институтки.

«Старый вожак повержен, да здравствует новый вожак, – подумалось невольно. – Интересно, а я одна в курсе, что эти интриги институтского двора были напрасны и появления Лима сегодня не произойдет?»

После завтрака в столовой, на который Камила не пошла (и не многое потеряла – еда была в лучших традициях Англии: водянистая овсянка и чай), классная дама объявила об общем сборе в актовом зале через десять минут.

Когда все институтки уже заняли свои места и директриса Змеевна вползла на трибуну, дверь зала открылась и показалась Камила. Да как! Проплыла, словно чаровница гарема Осман-паши. Ее грациозные движения подчеркивались строгостью институтской формы, но самое главное – катташи, украшавшая голову Камилы. Эта милая бархатная шапочка расшитая белым бисером, с ажурным платком, который накидывался поверх нее, – образ татарской царицы удался на славу. И не знай, что Карамелька бритая под ноль, – ни за что не догадаешься. Как говорится: подлецу – все к лицу. Камила в образе восточной девы смотрелась органично, и главное, она умудрилась выделиться на фоне остальных.

При виде ее директриса поперхнулась.

– Госпожа де Компостелло, что значит ваш наряд? – только и смогла произнести Веретес вместо традиционных, как я полагаю, слов приветствия.

– Что я приняла мусульманство и моя новая религия не позволяет мне ходить с непокрытой головой.

Директриса мельком глянула на наручные часы, произнесла на тон ниже:

– О вашей новой религии поговорим после собрания, а сейчас потрудитесь занять свое место, и мы начнем.

В ходе спича мадам Веретес я узнала, что в этом году у нас в расписании появится внеплановый предмет (еще бы я плановые хоть примерно представляла), что институт принял приглашение кадетского корпуса и через две недели состоится кастинг (в устах директрисы именуемый «отбором достойнейших представительниц института») в группу «почетных гостей» лучшего военного магического училища, что институтка m-le Энгел

покинула стены данной alma mater и подалась в отшельницы (при этом известии закралось смутное сомнение, а не морг ли – скит этой мадемуазель-с, потому как очень уж своевременно и, главное, безвозвратно исчезла девица, в то время как труп некой барышни был недавно найден садовником).

По окончании монолога Змеевна объявила:

– А сейчас, дорогие мои воспитанницы, разрешите представить вам нового преподавателя, – по залу пронеслась волна шушуканья, и директриса была вынуждена повысить голос и повторить: – Да-да, я не оговорила, вести предмет будет мужчина.

– Неужели сам Дейминго будет нас обучать... – экзальтированный шепоток заставил невольно усмехнуться в стиле «ага, щаз!».

Институтки замерли в ожидании. Рядом с директрисой полыхнул сноп света – и появился... Лим!

Дружный вздох благородных и не очень барышень был красноречивее всяких слов. В моей же голове мелькнула мысль: «Дейминго принял угрозу о женитьбе на опороченной институтке всерьез и решил упредить удар, заняв место этого кобелиссимо – Аарона?»

Сейчас, при нормальном дневном свете, демон мне показался даже красивым: статный, поджарый, сильный. Институтки же усиленно вели снайперскую стрельбу глазами на поражение. Дейминго скользнул по залу взглядом, на мгновение остановившись на Камиле. Та потупила взор с наигранной скромностью (или мне одной показалась эта ее игра дешевым кокетством?). Демон хмыкнул и перевел взгляд на меня. Всего мгновение мы смотрели друг другу глаза в глаза, а потом он обернулся к директрисе.

– Госпожа Веретес, я решил лично представить одного из своих хороших друзей, лучшего следопыта теневой стороны – Аарона Тейрия.

«Не иначе это фееричное появление инквизитора – перестраховка, чтобы Змеевна точно не отказала соглядатаю Дейминго в телепорте?» – шрапнелью пролетела в голове ехидная зараза-мысль.

При этих словах Лима на сцене появился еще один мужчина. «Самцовость», согласно определению теньки, из него так и перла: накачанное тело, которое не скрывал даже пиджак, искушающий взгляд, короткая косичка черных волос. Да, этот Аарон был как пламя, что завораживает, манит и опалает. На его фоне Лим казался ледяным айсбергом, лишенным эмоций.

После того, как восторженные и разочарованные вздохи стихли, директриса объявила о том, что через полчаса начинаются первые занятия в этом учебном году, а посему всем институткам надлежит покинуть зал.

Что и говорить, уходили девицы медленно, накручивая локоны на пальцы и хихикая, переглядываясь и всячески пытаясь ненароком обратить на себя внимание. С учетом того, что институток было изрядно, процесс освобождения зала грозил затянуться надолго.

[Купить полную версию книги](#)